

АНТОН ЧИЖ

ИЗ ТЬМЫ

Антон Чиж

Из тьмы

Серия «Родион Ванзаров», книга 12

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21539258

Из тьмы: Издательство «Э»; М.; 2016

ISBN 978-5-04-097171-8

Аннотация

Февраль 1901 года. На окраине Петербурга находят тела двоих рабочих со странными колотыми ранами. Великий криминалист Аполлон Лебедев и его надежный напарник Родион Ванзаров берутся за расследование этого загадочного дела. Свидетели утверждают, что рядом с трупами видели бестелесного и безликого призрака. Но сыщики не верят в сверхъестественное. Поэтому первую зацепку находят довольно быстро: убийца был облачен в черный плащ и шляпу-треуголку. Верным напарникам предстоит выяснить, кто же устроил этот кровавый маскарад.

Книга также выходила под названием "Убить нельзя простить"

Содержание

• 1 •	5
• 2 •	12
• 3 •	22
• 4 •	30
• 5 •	40
• 6 •	46
• 7 •	51
• 8 •	55
• 9 •	62
• 10 •	67
• 11 •	74
• 12 •	79
• 13 •	90
• 14 •	96
Конец ознакомительного фрагмента.	105

АНТОН ЧИЖ

ИЗ ТЬМЫ

© Чиж А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Февраль 1901-го грозил тревогами. Множество знамений открылось в тот год. На папертях юродивые стращали народ последними днями. Падая в конвульсиях, с кровавой пеной на губах, они грозили неизбежной карой за грехи, чаша которых уже переполнена. Рыдали дети на руках матерей, а сами матери, напуганные неотвратимым, истово крестились и просили в молитвах отвести беду. Волнение паствы было столь велико, что священники не могли ее успокоить.

В обществе шептались, что император и императрица съездили в Гатчинский дворец, чтобы вскрыть по прошествии ста лет некое тайное послание, оставленное в запечатанном ларце еще во времена императора Павла I. И что, якобы прочитав пророчество, император уехал в мрачном расположении духа, а императрица не смогла сдержать слез. Что было начертано в том письме, осталось доподлинно не известно, но ничего хорошего династии грядущее не сулило.

В стране глухо, как в закипающем котле, зажатом ржавыми винтами, поднимались страшные силы, способные сорвать не только крышку, но и разорвать сам котел. То там, то здесь горели помещичьи усадьбы, бастовали рабочие заводов, фабрик и рудников. Студенты выходили на демонстрации, которые разгонялись с примерной жестокостью. Идейный студент Карпович выстрелил и смертельно ранил доб-

рейшего министра народного просвещения Боголепова. Со стороны против России назревал опасный союз Англии, Северо-Американских Штатов и Японии, озабоченной проникновением в Маньчжурию.

А в небе, словно указуя на неотвратимые беды, явилось знамение, куда страшней и зримее прочих. Луна из серебряной вдруг окрасилась в багряно-красный, как будто умылась кровью. И хоть астрономы из сил выбились, объясняя в популярных заметках, что ничего, кроме оптического обмана и преломления света, в этом нет и быть не может, публика, и читающая, и безграмотная, была едино напугана столь явным пророчеством возможных потрясений.

Настал Великий пост. Мясные лавки закрылись до Пасхи, императорские театры не давали представлений, так что публика, жаждавшая зрелищ, находила отдушину во французской опере и частных театрах. По обычаю февраля погода угощала столицу империи прокисшей зимой. Лужи грязного снега, сырой ветер и распутица окончательно поглотили мостовые и немощеные улицы города.

В Нарвской части столицы грязь была обильнее, чем на Невском проспекте. Здесь, вокруг Обводного канала, плотно встали фабрики, рабочий люд которых проживал неподалеку в заводских и доходных домах. Окраину убирали из рук вон плохо, а городовые, обязанные следить за всяческим порядком на улицах, ленились гонять дворников. Занятие это было бесполезным: сколько ни ругайся, грязи меньше не станет,

а начальство сюда все равно не заглядывает. В попытке найти компромисс между лужами и служебным долгом дворники довели местность до неприличного вида.

Местные жители к такому порядку, а вернее – беспорядку давно привыкли. После трудовой смены обращать внимание, а тем более писать жалобы мало кому пришло бы на ум. Обитатели Обводного отдавали фабрикам по десять часов в день, а по дороге домой – еще парочку трактирам, потому, добравшись до своего угла, им хватало сил лишь на то, чтобы упасть бездыханным телом в чем был: в сапогах и налипшей грязи.

К восьми вечера улицы Обводного пустели. Кто не прилег в канаве или у входа в трактир, спали в своих каморках глухим сном до заводского гудка, поднимавшего рабочий люд в пять утра. Да и гулять с темнотой по Обводному не всяк бы решился. Получить финкой в живот или обухом по затылку было так же просто, как упасть в канал. Убить или ограбить могли без всякого повода, а уж в день, когда выдавалось жалование, тем более. Грабили не залетные, а все больше свои: те, кто днем трудился у станка, а вечером затыкал за голенище нож, выточенный на заводе, или молоток за пояс, прихваченный в мастерской. Разбой считался, в общем, такой же обычной и неизбежной частью жизни, как и грязь на улицах. Грабителем мог стать каждый, кому не хватало до получки или подружке на гостинец. Местных жителей кровавая луна пугала мало, да и некогда им было разглядывать небеса.

Около девяти, когда тучи разошлись и на улицах не осталось ни единой живой души, на набережной Обводного появилась мешковатая фигура, двигавшаяся нетвердой походкой. Не было в ней ничего примечательного. Фуражка-московка¹ сидела набекрень, потертая тужурка распахнута, как от жара, а ноги в заляпанных сапогах выделявали круговые фортеля. Незнакомец двигался столь проверенным курсом, что мог бы идти и с завязанными глазами, как парусник в родную гавань. В редких газовых фонарях, скупо освещавших пяточки мостовой, он не нуждался. Как видно, гуляку мало беспокоило, что в этот час, проходя мимо опасных подворотен, он играет в рулетку с судьбой. До квартиры, в которой он снимал угол с семьей, оставалось меньше квартала.

Рябов Иван, а гуляку звали именно так, не спеша плыл в густых парах алкоголя, перед глазами у него мелькали разноцветные огоньки, а земля предательски ходила ходуном. Кое-как поборов нетвердую хлябь, Рябов притормозил, чтобы перевести дух. Оглядевшись, он нашел себя там, где положено. Вон крыльцо уже виднеется, окна темные, родные спать легли, не дождались отца-кормильца. Иван ощутил обиду: за такое неуважение супружницу надо как следует проучить. Чтоб помнила, кто домой трудовой хлеб приносит. Он уже взялся закатать рукава, но плотная ткань тужурки плохо поддалась, только рассердив его. Ничего, и так кулак свое найдет.

¹ М о с к о в к а – полотняная фуражка с козырьком.

Качнувшись, Рябов сделал шаг и замер. Теперь остановка имела вескую причину. Откуда ни возьмись, из тьмы перед ним возникло неожиданное препятствие. Помеха была не так чтобы высока, не выше его роста, но показалась столь чудной, если не сказать – странной, что Иван даже маленько протрезвел. И было с чего. Перед ним стояла явно человеческая фигура, ну, не столб же, да только не понять, что за особа, какого рода и звания. На плечах не привычная одежда, а какой-то балахон, в темноте не разобрать, на голове и вовсе не пойми что. Иван хоть и был пьян, но припомнил, что видел нечто такое на параде, когда толкался в праздничной толпе. И что только важному господину – а Рябов сразу решил, что господин не простой, а значит, важный, – делать в такое время у них на Обводном? А если забрел, да еще пройти не дает, так, может, его ножичком проверить? Ножик всегда на положенном месте.

Оценив свои силы, Иван счел, что их недостаточно для серьезного разговора, а потому зло махнул, отгоняя помеху, и пробурчал что-то грозное и невнятное. Фигура не шевельнулась. Это было несомненное оскорбление. Иван уже собрался показать свой кулак, вызывавший уважение всей Нарвской части, и даже выставил руку, но на большее его не хватило. Неожиданный гость медленно, словно во сне, поднял голову, до сих пор немного опущенную, явив лицо.

Отшатнувшись, Рябов потерял равновесие и упал на спину, прямо в грязное месиво. Тут же резво вскочив, попятил-

ся и, как мог, стал отмахиваться от кошмара, глядевшего на него. Его обуял такой страх, что конечности отказались слушаться. Хмель как ветром сдуло. Отступая и путаясь в ногах, он часто-часто повторял: «Сгинь! Пропади!» – но странный силуэт и не думал исчезать. Он держал Ивана чем-то необъяснимым, словно накинул на шею невидимую петлю, от которой не было спасения. И еще этот страшный, нечеловеческий взгляд, в котором чудилось нечто такое, в чем бы он сам не смог себе признаться.

– Беги...

Голос был тихий и невнятный, но Рябов услышал его отчетливо, и все тело, весь мозг его пронзило раскаленным ужасом. И он побежал. Не разбирая дроги, спотыкаясь, падая и снова поднимаясь, Иван бежал сломя голову. Он задышался от крика, который рвался из самого нутра его, будто беззащитный зверек воет, ища спасения, уже зная, что спасения нет.

Кажется, Иван завернул в какой-то проулок, где было изрядно темно. На миг он поверил, что оторвался и вот-вот спасется. Но в следующее мгновение наткнулся на что-то, что целиком вошло в него, глубоко, до упора, как булавка в жука, и встало колом внутри, отняв весь воздух.

Иван жадно хватал воздух ртом, но дышать было нечем. То, что проникло в него, вдруг само собой выскользнуло, оставив холодный след, расплзшийся по телу. Иван ощутил себя бутылкой, из которой вышибли пробку. Тело его стало

легким и невесомым. Колени подкосились, и он упал на что-то мягкое. Стало хорошо, тихо и тепло. Лежа на спине, он увидел, как над ним склонилось нечто темное и тут же исчезло.

Потом Иван увидел высоко над собой край неба в редких разводах туч и луну меж ними. Нынче она была необыкновенно хороша. Яркая и блестящая, луна манила и звала Ивана. Она смеялась. Она светилась цветом крови. Ему захотелось уйти к ней.

Туман, шедший ото льда, вместе с красными бликами луны отражался в темных окнах здания. Департамент полиции, известный далеко за пределами столицы, возвышался над гранитными берегами реки Фонтанки. Чиновники давно попрятали бумаги в папки, завершив присутственный день, и теперь коротали вечер где им было угодно, счастливо забыв о службе. Только на третьем этаже светилось несколько окон в ряд. За ними располагалась криминалистическая лаборатория, ставшая надежной опорой полиции в борьбе с преступниками, в которой одни делали все, чтобы уйти безнаказанными, а другие добывали изобличающие факты и доказательства. Если улики попадали сюда, шансы злодеев выйти сухими из воды уверенно сводились к нулю. Сказать по чести – их не было совсем. В игре против полноправного хозяина этого кабинета, знаменитого на всю Европу и мир статского советника Лебедева, шансов и быть не могло.

В науке Лебедев не знал поражений. Что и составило его славу, если не считать успеха – созданного им антропометрического бюро, в которое стекались данные всех преступников России, и нескончаемого списка трудов по криминалистике. Любой чиновник полиции счел бы за честь принять личное приглашение в это святилище знаний. Ведь попасть сюда могли только самые умные головы, что сводило воз-

можное количество гостей к считаным единицам, для которых хватило бы пальцев одной руки.

Прочие даже не пытались напротиться в гости, прекрасно зная репутацию Лебедева. А репутацию Аполлон Григорьевич заработал ужасную. Все знали, что он лично выбросил в реку Мойку глупого пристава, пытавшегося дерзить ему; что он курит чудовищные никарагуанские сигарки, смертельно опасные для любого нормального человеческого существа; что он ловелас и бабник, не может пропустить ни одну юбку, даже если это юбка законной жены высокого чиновника; что он может нахамить начальству и даже министру. Знали и то, что с огромным ростом, тяжелым кулаком, вздорным характером и налетом гениальности ему не найти равных соперников. Что было во всем этом правдой, а что мастерской ложью, никто не пытался разобраться. Репутация, раз созданная, держалась не хуже гранитного постамента. На нем Лебедеву было спокойно и удобно заниматься своим делом, не церемонясь с «безмозглыми идиотами», «полными тупицами», «отъявленными глупцами», то есть с рядовыми сотрудниками Департамента полиции.

По-настоящему Лебедев любил только свою работу и женщин. Если романы с дамами были бурными и краткими, то любовь с наукой, напротив, – долгой и взаимной. Лебедев готов был не вылезать из лаборатории, только было чем заняться. Когда свежего дела не находилось, он продолжал заниматься исследованиями, систематизируя и эксперимен-

тируя с полученными данными. Когда же и эти труды были переделаны, он просто оставался в дорогих и родных стенах, которые любил и в которых ощущал полный душевный покой.

Аполлон Григорьевич посматривал в ночное небо, лицо его было благостным и умиротворенным.

– А все-таки она прекрасна, – наконец проговорил он, постукивая незажженной сигаркой в стекло там, где виднелся мутный блик ночного светила. – Есть в ней что-то древнее, варварское. Когда восходит красная луна, враз слетают культурные наслоения и в душе просыпается нечто дикое. Так и хочется завывать от щемящего восторга.

– Прошу вас, не стесняйтесь. Назавтра газеты выйдут с аршинными заголовками: «В Департаменте полиции объявился оборотень!» Барышни будут в восторге...

Господин, позволивший столь вольное обращение с гением криминалистики, казался моложе его лет на десять и имел чин на два класса ниже. Ростом он был и того меньше, хотя плотная, крепко сбитая фигура, с прочной, как у римской статуи, шеей, не давала повода усомниться в его физических силах. Он умудрился кое-как примоститься на хлипком диванчике, найдя себе уголок среди журналов, вырезок, пустых коробок из-под химикатов и чучела печального лиса. Иного свободного места в лаборатории все равно не нашлось бы. Каждый вершок был заставлен чем-то особо важным в три, а то и четыре слоя тем, что выбрасывать было нельзя под стра-

хом вечного проклятия. Надо заметить, что дерзкий гость имел правильные черты лица, роскошные кошачьи усы вонючего отлива с непокорным русым вихром. Что частенько приводило женские сердца в волнение.

Показав окровавленной луне спину и присев на скрипящем подоконнике, Лебедев снисходительно улыбнулся и дружески подмигнул.

– Что, Ванзаров, о барышнях только и думаете. Это нехорошо. Чиновник для особых поручений сыскной полиции, знаменит на весь департамент, начальство холит и лелеет, а он все одно: как жокей про кобылу.

– Не тот предмет, чтобы тратить на него энергию мозга, – ответил Ванзаров, борясь с предметом вроде жестяной банки, что подло, из-под кучи хлама, впился острым углом чуть ниже пояса.

– Кстати, чем закончилось ваше сватовство? Когда честным мирком да за свадебку? Шафером пригласите? Что подарить молодым: серебряный поднос или фарфоровых купидонов? Можно уже вас поздравить?

– Поздравить можно, – последовал ответ.

– Неужели? В самом деле? Ну, поздравляю, раз просите...

– Поздравьте с тем, что я сохранил остатки разума и силы воли.

– Так я и знал... – Лебедев взмахнул руками, что могло означать много чего.

– Мне хватило здравого смысла, чтобы в последний миг,

буквально стоя на краю пропасти, не сделать отчаянный шаг и не кинуться в пропасть семейного болота, – проговорил Ванзаров, глядя прямо перед собой. – Это самый счастливый день в моей жизни.

– Это заметно, насколько счастливый.

– Наконец я твердо понял, что это не мое: семейная рутина и прочие пеленки не могут быть идеалом... – продолжил он, словно поддерживая спор с самим собой. – Это было последнее испытание, и я справился с ним, как подобает настоящему мужчине. Это большая победа логики и разума над мелким мирком женщин со всеми их финтифлюшками и чепухой. Включая горшки с цветами и модные шторы...

– То есть вам отказали, – закончил Лебедев. – В очередной раз. Указали на дверь. Просили оставить их дочь в покое и забыть дорогу в этот дом навсегда.

Ванзаров рассматривал пол с тем особым спокойствием, которое всегда бывает, когда сказать совершенно нечего.

– В который раз это счастье вам улыбнулось? – не унимался Лебедев.

– Во второй...

– Если не считать тех трех случаев...

– Что их считать, они были в прошлом веке. Новый век – новый отсчет, – сказал Ванзаров.

– В этот раз какова причина?

– Догадайтесь сами...

– М-м... сложновато будет, – сказал Лебедев, поглаживая

подбородок. – Пожалуй, применю-ка вашу драгоценную психологику...

– Вам она ни к чему.

– Нет уж! – грозно заявил криминалист. – Придумали погремущку, так дайте хоть другим позабавиться. А не только голову морочить...

– Извольте, – сказал Ванзаров, не имея сил защищать свой метод, который долго и тщательно собирал по крупинкам. Ошибка его была в том, что рассказывать про него, а тем более придумывать ему вызывающее название не стоило. И уж совсем не стоило в дружеской беседе говорить об этом Лебедеву. Аполлон Григорьевич поднял на смех «великое открытие», ничего в нем не поняв, резонно посчитав вызовом и оскорблением всей классической науке. А потому не упускал случая, чтобы не уколоть шуточкой или не растоптать до основания доводы новой «науки». Метод, хоть его не признавал великий криминалист, не перестал быть полезным. Как острым скальпелем, что вскрывает пелену незнания, Ванзаров пользовался им, разумно помалкивая.

– Итак... – Лебедев состроил маску мудреца. – Титулов у вас нет. Золотых рудников нет. Счета в банке нет. Домика своего или заваливающей дачки тоже нет. Живете в съемной квартире. К тому же служите в полиции – презренный са-трап² и палач. И для чего такое счастье любимой дочке? Ну,

² С а т р а п – человек, представляющий власть и действующий деспотически, не считаясь с интересами других.

как, справился без вашей лженауки?

Ванзаров не позволял себе проявлений эмоций, давно научившись сдерживать свои порывы. Лишь печальный вздох – все, чем была проявлена непозволительная слабость.

– Другое неотступно тревожит меня, Аполлон Григорьевич, – сказал он, отводя разговор от опасной темы психологии.

– Почему юные красотки выбирают глупых, старых, некрасивых, но богатых мужчин? – заметил Лебедев.

– Нет... Зачем мы нужны.

Аполлону Григорьевичу показалось, что он ослышался.

– Зачем нужны... кто... что? – несколько сбивчиво спросил он.

– Вам известно, что происходит в стране. Студенты убивают министров, казаки разгоняют демонстрантов шашками. Крестьяне бурлят, рабочие бастуют, цена жизни стремительно падает; закон, который и раньше был условностью, превратился в половую тряпку... А сыскная полиция гоняется за мелкими воришками или ловит пьяного, ударившего собутельника ножом. К чему все это? В чем смысл?

– А что говорит ваша бесценная психологика? – спросил Лебедев.

– Молчит, покрывшись румянцем стыда. В новом мире ей делать нечего.

– Так бывает в начале века, страхи одолевают и прочее...

– Нет, Аполлон Григорьевич, наступивший век готовит

малоприятные сюрпризы.

– Тем более без полиции нельзя. Мы – скрепы общества.

– Вы – безусловно, а мне в полиции, наверное, делать нечего, – ответил Ванзаров.

Аполлон Григорьевич не любил разговоры, когда перед ним наизнанку выворачивают душу, ожидая в ответ нечто подобное. При всем своем могучем росте и решительном характере он не знал, как вести себя в подобных щекотливых ситуациях. Тем более когда его друг, которого он считал единственной светлой головой во всей полиции, вдруг заводит подобную шарманку...

– В отставку собрались? – спросил Лебедев недрогнувшим голосом.

– В отставке приставу хорошо чаи гонять в яблоневом саду, накопленном на скромное жалованье, – сказал Ванзаров. – А мне в отставке или со скуки, или с голоду погибать. Или то и другое вместе.

– Тогда чего вы хотите? – незаметно раздражаясь, спросил Лебедев. – Учитесь брать взятки.

– Ну, покажите пример.

– Еще слово в подобном тоне, и закурю вашу любимую сигарку...

– Вы у себя дома. Не жалеите гостей...

– Знаете что, Ванзаров, хоть вы и мой друг... – начал Лебедев на повышенных тонах, но все же сумел себя урезонить, хоть и имел характер не менее бешеный, чем о нем судачи-

ли. – А что вас держит в сыске? Давно бы уже сделали карьеру с орденами, чинами и почетом. Там, глядишь, и жена сама собой образуется. Так за что цепляетесь?

Вопрос этот был столь прост и при этом сложен, что отвечать на исключительно трезвую голову не следовало бы. Иначе можно прослыть откровенным занудой. Впрочем, о нем и так шептались по углам департамента, путая его волчью хватку с обычным занудством. Занудой он никогда не был, даже когда в Петербургском университете пропускал студенческие пирушки, чтобы успеть проштудировать древних классиков, особо налегая на Сократа. Но и отмахнуться от вопроса или отделаться шуткой было нельзя. Лебедев ждал ответа на совесть.

– Привычка к закону, – помедлив, ответил Ванзаров.

Ответ был принят благосклонно.

– Ужасная привычка, – согласился Лебедев.

– Сам мучаюсь.

– Послушайте, друг мой, а что, если нам... – начал Аполлон Григорьевич, но блестящей, как всегда, идее не суждено было явиться на свет. В кабинет робко заглянул дежурный чиновник слегка заспанного вида, что не помешало ему изложить нижайшую просьбу. Оказывается, только что телефонировали из 3-го участка Нарвской части. Просят срочно прибыть дежурного криминалиста. Так не изволите ли...

– Аполлон Григорьевич, что же сразу не сказали, что сегодня дежурите по городу? – сказал Ванзаров, вставая с му-

чительного диванчика. – Я бы не лез к вам с пустяками.

– Вот еще! Совсем, что ли, со скуки закиснуть, – тихо ответил Лебедев и громоподобно осведомился у чиновника, что там за ерунда случилась, что из-за нее беспокоят самого великого дежурного криминалиста.

Чиновник, мучаясь от желания как можно скорее уйти, смог доложить только невразумительные сведения: найдено тело, полагается непрременный осмотр на месте обнаружения. Лебедев потребовал, чтобы ему немедленно сыскали пролетку. Чиновник счел это веской причиной, чтобы исчезнуть.

Сборы Аполлон Григорьевич завершил молниеносно: вынул из лабораторного стола потертый саквояж желтой кожи, который вмещал все, что могло и не могло понадобиться на месте преступления, и всегда содержался в полной выездной готовности.

– Не желаете за компанию? – спросил он без особой надежды. – Скоренько погоняю идиотов из участка, подпишу им протокол, и отправимся прожигать жизнь. У меня в «Данонь» вход открыт всегда и столик держат. Отпразднуем нашу мужскую свободу. Тут и дежурству конец.

Ванзаров согласился без колебаний.

Ресторан «Данонь» держал репутацию не только кулинарными шедеврами. На его кухне колдовали только первоклассные мастера половника и шумовки, в давние годы французские, а теперь – исключительно отечественные. Но одними подливками да консоме публику не удивишь. А «Данонь» умел удивлять. Робкий провинциал, попадая в ресторан, испытывал глубокий шок от увиденного, сравнимый разве только с посещением царской резиденции.

Начать с того, что потолки ресторана уходили куда-то в небеса, персидские ковры с особо мягким ворсом дарили стопам посетителей нежные объятия. Пальмы и шторы были подобраны в стиле «короля-солнца», а роспись на стенах могла поспорить с любым из дворцов капризного монарха, кончившего жизнь на плахе. Гостя встречали с таким аристократическим почтением, что дух захватывало. С улицы в ресторан могли попасть только постоянные гости, и их, с почетом не меньшим, чем принцев ведут на коронацию, проводжали к столику и предлагали расположиться в удобнейших креслах. А дальше каждая мелочь, от лощеного фрака метрдотеля до белоснежных скатертей, от идеально начищенных столовых приборов до хрусталя бокалов, от благоухающих официантов до меню в златокожаном переплете, скромно, но уверенно указывала, что гость оказался в храме кулина-

рии. Первое впечатление от ресторана было самое сильное. Но даже привыкнув к раю избранных гурманов, гость всегда помнил, какое это великое счастье, что его, простого смертного, пускают в священную обитель и назавтра с друзьями он сможет бросить невзначай: «Ужинал вчера в «Данонь», рябчик у них удался...»

К услугам гостей имелось множество залов. В больших устраивались банкеты и торжества, а малые служили для встреч без посторонних глаз. Для избранных держали два особых кабинета, оказаться в которых можно было прямо с улицы через неприметный вход. Среди гостей ресторана были и такие, которым незачем было показываться в общем гардеробе или залах. Знали об этих кабинетах только те, кому они предназначались.

На сегодня в одном из таких залов был назначен ужин. Господин, пришедший раньше условленного срока, уже сделал заказ и теперь в некотором нетерпении ожидал появления гостя. Маленькими глотками он дегустировал марочный коньяк. К тайной встрече он оделся настолько скромно, насколько позволял его чин. Костюм от лучшего петербургского портного сидел как вторая кожа, а сам господин, даже если бы сильно захотел, не смог бы притвориться незаметным. В его лице было нечто, что выдавало в нем старого аристократа. Высокий красивый лоб, римский нос, глаза с грустинкой, правильный подбородок и щегольские модные усы надо было спрятать под маску, чтобы они не выдали его принад-

лежность к графскому титулу. Однако интимность этого кабинета спасала лучше любой маски.

Не успели стрелки карманных часов показать на девять, как в кабинет вошел другой господин. Пальто он скинул на заботливые руки официанта, быстро потер ладони, показавшиеся неприятно холодными, и, выразив глубокое удовольствие от встречи, обменялся с графом крепким рукопожатием. Граф лестно отозвался о пунктуальности своего визави. Что-либо еще кроме пунктуальности, характерное или особенное, заметить в госте было затруднительно. Он обладал настолько средней, незапоминающейся и ни в чем не выдающейся внешностью, что художник запил бы с горя над его портретом, а фотограф долго чесал в затылке: того ли человека он снял. Впрочем, невзрачность может служить иногда большим преимуществом.

Господа обменялись простыми любезностями, граф пригласил за стол, уверив, что заказал скромный ужин по своему вкусу. Говорили они по-английски. Неприметный господин обращался к графу «дорогой Владимир», словно обозначая их равенство, отменяющее титулы, а «дорогой Владимир» называл его «дорогим Чарльзом».

Официанты, молчаливые, как тени, и проворные, как дрессированные серны, подливали вино в бокалы и успели сделать пять перемен блюд, пока, наконец, не подали кофе и сигары. Господа вынуждены были совершить акт вандализма по отношению к этикету и пить кофе за обеденным столом.

Разговор их до сих пор касался тем столь пустяковых и мелких, вроде здоровья родственников и самочувствия жен, что, казалось, не стоил повышенной секретности кабинета. Отодвинув кофейную чашку и поигрывая сигарой, «дорогой Чарльз» подал неуловимый знак, столько незначительный, что заметить его мог только тот, кто его ждал. «Дорогой Владимир», безусловно, ожидал нечто подобное. Недопитую чашку он аккуратно сдвинул подальше и выражением лица показал, что готов приступить к обсуждению настоящей цели их встречи.

– Дорогой Владимир, вы, как никто другой, знаете, что наши отношения настоятельно требуют изменений, – сказал «дорогой Чарльз».

– Убеждаюсь в этом при каждом удобном случае, – ответил граф. – Нынешнее положение не вызывает у меня ничего, кроме огорчения. Со своей стороны я готов приложить все возможные усилия, чтобы исправить его.

– Рад это слышать, дорогой Владимир. Не скрою, вы прекрасно осведомлены, что я, как никто другой, всегда держался и держусь курса на самые теплые и сердечные отношения.

– Это является единственной и моей целью, – согласился граф.

– В прошлом у нас бывали разные времена... К сожалению.

– К счастью, они прошли. Надо забыть плохое и помнить только хорошее.

– Совершенно с вами согласен, дорогой Владимир. Тем более наше сотрудничество, взять хотя бы недавний пример с китайскими боксерами, дало столь выгодный результат.

– Считаю необходимым придерживаться этого курса и в дальнейшем, – согласился граф, ощутив, что настал момент, ради которого и была устроена Чарльзом эта секретная встреча.

Волна взаимопонимания, на которую так мастерски настроились собеседники, дала «дорогому Чарльзу» право сказать то, ради чего он с улыбкой на губах выносил ужасные муки, а именно: давился ненавистным борщом, проклятыми стерлядками и глубоко презираемыми пожарскими котлетами, а также прочей соленой дрянью, какую не стал бы есть ни при каких других условиях. Ненавидя эту дикарскую еду, он не мог не отметить особого мастерства, с каким иезуитская пытка была преподнесена. «Дорогой Владимир» был неплохо осведомлен о вкусовых предпочтениях гостя. Быть может, этим ужином он изящно ответил «дорогому Чарльзу» за неприятные минуты, не раз приходившиеся терпеть у него в гостях.

– Благодарю вас, – последовал ответ.

– Прошу, только укажите, чем я мог быть для вас полезен.

– Полагаю, дорогой Владимир, это не является для вас секретом.

– Боюсь вас огорчить, дорогой Чарльз, но тут моя сообразительность уступает.

– Я могу говорить с вами откровенно?

Граф выразительно показал, что ради этого они здесь и собрались.

– Вы наверняка в курсе того, что неприятности, которые были у нас на юге, подходят к неизбежному концу и вскоре от них останутся лишь мемуары.

«Дорогой Владимир» только вежливо кивнул: обсуждать тут было нечего.

– Однако последствия этих неприятностей еще не до конца устранены, – продолжил «дорогой Чарльз». – Они хоть и незначительные, но их решение в столице Российской империи стало бы для меня облегчением.

– Полагаю, я смогу быть вам полезен, – ответил граф, быстро прикидывая, каким образом отвертеться от наглой, дерзкой и невыполнимой просьбы. – Для начала мне необходимо понимать, что именно стало бы для вас важным шагом в решении этой проблемы.

– Вам требуются дополнительные разъяснения? – с определенным вызовом спросил «дорогой Чарльз», незаметно перестав быть милым и дорогим.

– Разъяснения здесь излишни, разумеется. Однако вопрос может оказаться столь тонким и деликатным, особенно учитывая ваш непосредственный интерес, а усилия предстоят столь немалые, что я был бы крайне признателен, если бы вам было угодно обозначить более непосредственную цель ваших приоритетов.

Сеть, сплетенная графом, оказалась легкой паутинкой. «Дорогой Чарльз» счел, что время слов закончено, настал момент действовать, поэтому вынул из бокового кармана пиджака листы бумаги, сложенные пополам, развернул и передал графу. На них ровными машинописными рядами чернели фамилии. Граф быстро прошелся по списку взглядом, сложил по сгибу и спрятал к себе. Ничего нового для себя он не узнал. Но эти бумаги не предназначены для чужих глаз. Даже для официантов. Насколько бы ни был надежен «Данонь», нельзя ручаться, что официанты не доносят куда следует.

– Чем же я могу вас порадовать, дорогой друг? – спросил он.

Подобное обращение означало, что граф действительно готов оказать любезность, но за это рассчитывает на конкретный результат.

– Все, что будет вам угодно, – доброжелательно ответил «дорогой Чарльз», не ожидая, что так просто им удастся договориться. – Только бы помеха в наших отношениях была устранена как можно скорее.

– Возможно, потребуется некоторое время.

– Разумеется, я не жду результата завтра или послезавтра. Но позвольте дружеский совет: не стоит затягивать, чтобы услуга пришлась ко времени.

– Приложу все усилия, какие от меня зависят, – сказал граф.

«Дорогой Чарльз» счел, что его миссия выполнена, а дрянной кофе и мерзкие сигары не стоят того, чтобы из-за них задерживаться. Он попрощался без церемоний и покинул кабинет так же, как появился: никем не замеченный.

Граф остался в компании тяжких раздумий. Отказаться от сделанного предложения он не мог, это было бы вызовом куда худшим, чем открытый скандал, но и выполнить требование – а ничем иным этот список не был – не представлял как. Пойти прямым путем означало поднять такие силы, с которыми он связываться никогда не пожелал бы. А решить вопрос без огласки возможностей не было.

Трудные размышления подсказали идейку, в целом примитивную, но испробовать ее следовало. Явившемуся официанту он сообщил на ухо, кого желает немедленно вызвать из общего зала. Но привести его следует не сюда, а в проходной двор, путь в который лежал через потайной выход из кабинета...

Викентий Александрович искренно ненавидел полицию. Прилежно служа в пехотном полку, по глупой горячности он оказался замешан в скандале с поручиком, в сущности, из-за полной дряни: отозвался невежливо о его любовнице, из-за чего возникла ссора, кончившаяся рукоприкладством. Чтобы не доводить до дуэли, командир полка потребовал подать в отставку, обещая замять скандал и дать отличную характеристику. Выбора не осталось. В гражданской жизни ротмистру деваться было некуда, не идти же в приказчики или клерки. Зато отставных военных охотно брали в общую полицию. После окончания ускоренного курса Викентию Александровичу улыбнулась удача: он получил вакантное место пристава 3-го участка Нарвской части, на которое особо никто не зарился. Нарвская часть среди послуживших в полиции числилась на последних местах по счастью здесь служить. Тут располагались заводы, склады, пустоши и обитал в основном рабочий люд. Давыдову выбирать не приходилось, он был согласен на все.

Вскоре новоиспеченный пристав понял, почему коллеги выражали ему сочувствие, когда он называл место службы. Участок его был самым затрапезным. Лавки мелкие, люд бедный, основное занятие – разнимать домашние драки да поднимать пьяных с тротуаров. Перспектив продвижения по

службе никаких. Начальство на такое захоlustье и смотреть не желало. Послужив года два, пристав Давыдов понял, что от скуки и безденежья можно и общие правила принять, о которых ему частенько намекали подчиненные. Вскоре у него сами собой появились лишние деньжата, неожиданно возникла дачка в Озерках, после чего жизнь стала совсем приятной. Только порой пристава мучили угрызения совести. Офицер не мог до конца смириться с тем, что перепачкался так, что не отмыться. Резоны – дескать, все так живут, – утешали слабо. Он стал попивать втихую. Чем толще становились пачки купюр в его личном сейфе, тем больше Давыдов ненавидел полицию и считал не годы, а месяцы до отставки, когда сможет бросить все и запереться на своей дачке.

Среди прочих тягот пристава особо раздражало, что по долгу службы он лично обязан был выезжать на каждое серьезное преступление и «прикладывать все усилия для скорейшего раскрытия сего, весьма желательно по горчим следам». Лучше бы этим сыскная полиция занималась, а его оставили в покое. А горячих следов пристав никогда не видел.

Вот и сегодня все как обычно. Валяется мертвое тело в переулке, а вокруг него топчутся городовые, чиновник участка Василий Автономович Макаров пытается протокол вести под керосиновую лампу, спасибо ему. А к чему вся эта возня? Зачем? Ну, зарезали бесполезного негодяя, так и всем

лучше. Не искать же убийцу, в самом деле. Нет его, простыл «горячий след», убийца небось сидит уже дома в тепле, водку с чаем попивает. А пристав должен мерзнуть под ветром, исполняя никому не нужную работу. Давыдов решил дожидаться вызванного криминалиста и потихоньку исчезнуть. Пусть Макаров за него отдувается. Когда пристав увидел, кого привезла полицейская пролетка, он понял, что вечер будет долгим. К несчастью, дежурным криминалистом оказался сам Лебедев. Про этого господина и его выходки пристав был наслышан. Надо же, такое невезение!

Лениво отдав честь криминалисту, который не удостоил пристава и кивком, спрыгнув с подножки, Давыдов заметил другого гостя. А уж это было совсем ни к чему. Да и с какой стати?! В конце концов, он тут хозяин участка. Тем более господин этот, широко известный в полиции, чуть ли не звезда, вызвал у пристава брезгливую неприязнь. Надо же, сделал человек себе карьеру на том, что сует нос в чужие дела. Как это мерзко, однако. Разговоры про его невероятный талант – пустая реклама, не более. Пристав счел, что отдавать честь этому субъекту не обязан.

– Сыскную не вызывал, сами справимся, – буркнул он.

В ответ Ванзаров учтиво поклонился. Отношение пристава читалось на его лице, окружавшая темнота ничего не могла скрыть.

– Считайте, что меня здесь нет, – ответил Ванзаров. – Я за компанию с господином Лебедевым. Подожду его и нос в

ваше расследование, господин пристав, совать не посмею.

Он послушно держался около пролетки, даже не делая попыток осмотреть место преступления. Сладкими речами Давыдов не дал себя обмануть: вот пусть и не суется. Знает он этих прытких типов, дай им только волю – беды не оберешься. Отвлечшись на неприятного гостя, пристав совсем забыл, что Лебедев хозяйничает без всякого присмотра. И это было ошибкой.

Аполлон Григорьевич уже руководил людьми пристава, отогнав городских, чтобы не натоптали. Одному приказал стоять не шелохнувшись, держа лампу, на Василия Автономовича Макарова рывкнул, чтоб не лез с бумажками. Сам же подстелил клеенку и опустился коленями на ледяную землю. Он навис над лежащим телом, изогнувшись дугой, и что-то тщательно рассматривал. Это очень не понравилось приставу. Но поделать уже ничего было нельзя. Перед грозным криминалистом он немного робел. Давыдов только подумал: не к добру этот проныра возится с телом, – как Лебедев тут же обернулся и крикнул Ванзарову, не желает ли тот взглянуть.

– Аполлон Григорьевич, у меня нет права вмешиваться! – прокричал Ванзаров.

– А мы у пристава разрешение спросим. – Лебедев уставился на Давыдова. – Как, пристав, разрешите своей властью моему коллеге взглянуть на жертву преступления?

Когда к стенке приперли, что тут поделать. Пристав хмуро кивнул: делайте что хотите.

Уговаривать Ванзарова не пришлось, он и так изнывал от любопытства. С проворностью, внезапной для его крупного тела, он в три прыжка оказался у Лебедева.

– Не стесняйтесь, коллега, хоть пляшите тут, – подбодрили его. – Господа городовые вытоптали так чисто, что полицейская собака следов не найдет. Молодец, пристав, в дисциплине людей держит.

Давыдов принял выпад с достоинством, то есть сделал вид, что это его совершенно не касается.

Аккуратно ступая краем подошвы на почти нетронутый снег, Ванзаров подобрался к Лебедеву и опустился рядом с ним. Спина его замерла, зато головой он вертел резко и в разные стороны, как коршун, высматривающий добычу.

– Что скажете? – спросил Лебедев.

– Мужчина, примерно тридцать лет, фабричный, шел из трактира, крепкий, физически сильный, судя по пальцам – токарь, в обиду себя не даст, завоевал авторитет среди уличной шпаны.

– Финка за голенищем?

– Следы порезов на лице. По картотеке нашей его не помню. Что странно. С такой героической биографией обязан бы проходить по учету.

– А это как объясните? – Лебедев указал на рану, что виднелась в районе груди.

Пристав хоть и держался в стороне, делая вид, что ему все равно, но сразу заметил, как незванный гость полез обыски-

вать карманы жертвы. Ну, этого и следовало ожидать.

– Это не ограбление и не месть за долги.

Ванзаров держал на ладони карманные часы дешевого серебра и пачку красных купюр рублей на пятьдесят – для фабричного рабочего целое состояние.

– Не могу оспорить, – согласился Лебедев. – Так что думаете про рану?

– Полагаю, это ваша область, Аполлон Григорьевич.

Ответ, столь уклончивый, указывал, что у Ванзарова пока нет внятного объяснения.

– Я же не прошу вас назвать вид оружия, которым нанесен удар, – не унимался криминалист. – Но что вы об этом думаете? Что говорит ваша лжепсихологика?

– Следует за вашей мыслью, – сдержанно ответил Ванзаров.

– А конкретно? Давайте начистоту, мой юный коллега.

Когда Лебедев к чему цеплялся, отделаться от него можно было, только дав то, что он жаждал получить. Ванзаров вынужден был признать, что ему непривычно видеть такое широкое ножевое ранение, причем расположенное не вертикально, относительно оси тела, а поперек ему. Нанести такой удар ножом крайне трудно: замах ужасно неудобный, почти слепой, отбить его проще обычного. Направление удара снизу вверх, в живот, размер лезвия настолько широкий, что требует очень сильной руки. Непонятно какого типа режущее оружие.

– Наверняка не финка или обычная здесь заточка, – закончил Ванзаров. – Предположу поварской нож...

– Нет, у раны оба края резаные.

– Если учитывать место, где совершено убийство...

– Соглашусь, коллега. На Обводном в моде простые орудия: чтобы надежно и наверняка. А здесь что-то другое...

Ванзаров резко встал и направился к приставу.

– Надо установить личность погибшего, – потребовал он, забыв, что всего лишь постороннее лицо.

Давыдов брезгливо сморщился:

– Что тут устанавливать: Петр Комаров, по кличке Комар, личность в окрестностях известная. Сколько раз в участке сидел. Долетался, получил свое...

– По каким делам его арестовывали?

Пристав усмехнулся такой наивности.

– Да какие дела! Вот еще, дело на него заводить. То драка, то пьянка, обычные художества нашего участка. Отсидится в камере до утра, протрезвеет, и гнать в шею. Не вашего масштаба делишки, господин Ванзаров.

– Где он живет?

– Тут, поблизости...

– Прошу отвечать точно, ротмистр.

– Как прикажете, господин чиновник, – раздраженно ответил пристав. – От сего переулка, где вы имели честь осмотреть его мертвое тело, через три дома, в доходном доме Матвеева снимает угол. Не женат...

– Кто обнаружил тело?

– Монин, ты нашел? – крикнул пристав, обернувшись к городовым.

– Так точно, вашбродь, – ответил хриплый басок.

– Младший городской Монин, делая обход, обнаружил сие бесполезное тело, – закончил пристав. – Чем еще могу служить вам?

Чиновник Макаров попробовал было подсунуть Лебедеву протокол, но был кратко и емко отправлен к служебным инструкциям. Тело должно быть доставлено в мертвецкую участка, произведено вскрытие, после чего будет установлена причина смерти. Все это было сообщено несчастному Макарову столь громко и решительно, что на пристава окончательно напала тоска. Теперь настал черед криминалиста. Лебедев спросил, когда на Петьку Комара была составлена антропометрическая карточка. Он хочет быстро найти ее в картотеке и ознакомиться с его художествами.

Лицо пристава приняло самое строгое выражение. С ужасом он понял, что сейчас последует.

– Зачем оформлять карточку? Только время зря терять, – как мог уверенно заявил он. – Мелкая уличная шпана, что с нее взять.

Лебедев уставился на Давыдова глазами кровожадного хищника.

– Ротмистр, это как понимать? – спросил он тихим голосом, от которого у пристава забегали мурашки по спине. –

Вы имеете наглость, если не сказать – глупость, игнорировать инструкцию Департамента полиции: на каждого задержанного, подчеркиваю – каждого, составлять карточку и отправлять к нам в архив. Вам что, погоны носить надоело?..

Происходящее не вызывало интереса. Из пристава будут рвать перья и куски живого мяса, зрелище малоприятное. Ванзаров отошел в сторону, чтобы осмотреться. Вокруг, быть может, городовые успели не все уничтожить.

Тело Комара лежало ногами к Обводному каналу, головой в проулок. Упал он в неглубокий сугроб. Дома тут стояли в некотором отдалении от проезжей части, отгороженные хилыми деревцами и пучками голых кустов. Место было темное, ближайший фонарь торчал за поворотом. Ванзаров одолжил у городского керосиновую лампу, чтобы хоть немного посветить под ноги. Слабое пятно света выхватывало темные лужицы подтаявшего снега. Следы в такой каше если и были, то сейчас их обнаружить уже невозможно. Обойдя проулок, Ванзаров в этом с сожалением убедился. На всякий случай он посветил подальше за сугроб, на котором лежал Комар...

Под громом и молниями лебедевских обвинений пристав совершенно сник. Криминалист уже обещал, что лично проследит, чтобы Давыдову сняли голову за служебное небрежение. Но его запал иссякал. Ванзаров подошел, когда ротмистру описывали его ближайшее будущее на помойке.

– Обождите, Аполлон Григорьевич, – попросил Ванза-

ров. – У пристава будет еще шанс исправиться.

– Что-то нашли? – не без любопытства спросил Лебедев.

– Пристав, у меня для вас сюрприз. Боюсь, малоприятный.

Зато сможете проявить себя во всей красе.

Давыдов вымученно улыбнулся, чтобы выразить благодарность господину из сыска.

– Ну-ка, где сюрприз? – опередил его Лебедев.

– Загляните за тот сугроб...

– Это который? – Пристав старался оттянуть хоть на миг то, что ему предстояло неизбежно увидеть.

– На котором труп Комара лежит, – пояснил Ванзаров. – Не забудьте керосиновую лампу.

– Так ведь там кругом всё осмотрели, как требует служебная инструкция...

– А вы не по инструкции, сами извольте заглянуть.

– Может, помочь, а, пристав? – Лебедев нетерпеливо поигрывал крепкими пальцами.

Проверять на себе правдивость истории о выброшенном в реку приставе Давыдову совершенно не хотелось. Крикнув городовому, он отправился узнавать, что же такое важное любезно раскопал и подsunул ему под нос господин из сыска...

Борис искренно считал, что для карьеры весьма полезно регулярно посещать ресторан «Данонь». При этом старался, чтобы все в министерстве были осведомлены, когда именно на неделе он посещает престижное заведение. Сегодня у него был обычный ужин в «Данонь». Чтобы полезные ужины не нанесли слишком большой урон скромному жалованью Бориса, он заказывал столик на одного и брал необходимый минимум блюд, чтобы официанты не подумали об экономии. Требовалось оставить еще и чаевые в соответствии рангу заведения.

Бережно, ложка за ложкой, он поглощал отменную стерляжью уху, когда рядом склонилась тень официанта и на самое ушко, впрочем, не смея беспокоить клиента грубым дыханием, передали, что его ожидают. Борис, как истинный дипломат, не показал удивления и последовал за официантом. Он был уверен, что шуток здесь не позволяют.

Выйдя на улицу, они миновали несколько соседних домов, затем свернули в открытую калитку подворотни, прошли через проходной двор и оказались в другом, на вид совершенно глухом. Борис немного растерялся, потеряв ориентир, где находится. Официант сообщил, что будет ждать его на улице, поклонился и исчез. Борис остался в неприятной темноте. В сюртуке было зябко.

– Борис Георгиевич, – позвал голос из темноты. – Идите сюда.

Повернувшись, Борис, к неописуемому изумлению, в смутных отсветах обнаружил...

– Владимир Николаевич? Простите, граф...

– Да идите уже сюда, не будем же кричать на весь двор... – ответили ему.

Борис повиновался и оказался рядом с человеком, которого меньше всего ожидал встретить в этот час. Тем более в таком месте.

– Вам не холодно?

– Пустяки! Благодарю вас... – бодро ответил Борис.

– Как хорошо, что вы имеете привычку обедать в «Данонь», – сказал граф, зная, как тонко и глубоко польстил самолюбию молодого чиновника. – Это похвально, – добавил он.

– Я, право, не знаю... – начал Борис, теряясь, что делать: не приглашать же графа за свой стол. Хотя это сулило такие перспективы...

– Не будем терять время, чтобы вас совсем не заморозить, – прервали его размышления. – Что вы думаете о последних событиях в Южной Африке?

Подобный вопрос, заданный в темном пустом дворе, кому угодно мог показаться слегка безумным. Но Борис не растерялся. Он выразил мнение, что война буров против англичан проиграна ими безнадежно и теперь они могут рассчи-

тывать только на почетные условия капитуляции. Ни о какой самостоятельности Трансвааля и Оранжевой Республики и думать нечего. Англичане опять всем утерли нос. Жаль, что Россия оказала так мало помощи.

– Какая помощь, голубчик! – удивился граф. – Да мы вообще к этому не имеем никакого отношения.

– Официально, разумеется, но наши военные специалисты, боевые офицеры, которые направлялись...

– Борис Георгиевич! – Молодого чиновника строго одернули. – Не забывайте. К этим людям мы не имеем никакого отношения. Они добровольцы, делают что хотят и ездят куда хотят. Тем более они уже вышли в отставку.

– Вы правы, граф, добровольцы. К нашей политике они не имеют никакого отношения.

– Вот так-то лучше. – Кажется, граф в темноте улыбнулся, чего нельзя было сказать наверняка. – А как вы полагаете, нам следовало поддержать бунтующие республики?

– В этом вопросе, граф, я целиком и полностью разделяю вашу позицию, – строго ответил Борис.

Он помнил, как совсем недавно граф раздраженно высказывался в узком кругу чиновников: «Какая глупость, что Российская империя сует нос в Южную Африку. Мы хотим ущипнуть Англию и не понимаем, что теряем стратегического союзника, а получаем озлобленного врага. Один раз мы уже помогли североамериканской колонии в борьбе с английской короной, и что вышло? Вырастили монстра, кото-

рому потом продали Аляску, и теперь вынуждены считаться с ним на Дальнем Востоке. Нет уж, империя не должна играть в республиканские игры. А все эти выдумки про Ново-Голландию, союз свободных государств Оранжевой Республики и Трансвааля надо забыть, как страшный сон». Борис прекрасно понимал, что Владимир Николаевич не столько англоман, сколько прагматик.

– Благодарю вас, приятно слышать, – ответил граф. – Вот вам еще аргумент. В столицу вернулись наши добровольцы. Уезжали просто офицеры в отставке, а вернулись закаленные бойцы, сражавшиеся за республику. И свободу. Что с ними теперь делать?

– Я вас понял, Владимир Николаевич, – сказал Борис, не до конца еще нащупав, куда ведет граф, но стараясь угадать это в невысказанных словах.

– Всегда знал, что вы сделаете отличную карьеру, Борис Георгиевич.

– Благодарю вас, приложу к этому все усилия...

– У вас ведь, кажется, близкий родственник служит в полиции?

Вопрос этот был глубоко неприятен Борису. Такое родство доставляло ему только лишние неприятности.

– К сожалению, это правда.

– Отчего же «к сожалению». Иногда сыскная полиция может быть очень полезна. Особенно в некоторых щекотливых вопросах.

– Я не совсем понимаю, Владимир Николаевич... – начал Борис, ощущая, как холод берет его в тесные объятия.

Граф протянул ему сложенные листки.

– Здесь кое-какой список, – сказал он. – Внимательно ознакомьтесь. Было бы крайне важно, не только для вашей карьеры, чтобы перечисленные персоны на некоторое время покинули пределы столицы, так сказать. И как можно скорее...

Борис развернул бумагу, но прочитать ничего не смог, света не хватало.

– А кто это...

– Голубчик, вы сами все поймете. Фамилии говорят сами за себя. Этот список должен вернуться ко мне сразу после ознакомления... сами знаете кого. Из рук не выпускать. И его вообще никогда не существовало... – Приказ отдавался по-военному жестко. – Так я могу рассчитывать на вашу помощь?

Не раздумывая, Борис дал свое согласие. Его похвалили, обсыпав комплиментами, извинились за прерванный ужин, пожелав отменного аппетита, после чего граф исчез в темноте, оставив молодого и перспективного чиновника в недоумении.

Только теперь Борис осознал во всей чудовищной глубине сложность ситуации, в которой оказался, и понял, о какой именно услуге его попросили. Открытие было столь драматичным, а последствия лично для него столь пугающими,

что Борис Георгиевич перестал замечать холод. Ему было не до того. Впрочем, как и продолжения ужина. Еда в горло не лезла.

Пристав с тоской думал, что все неприятности в его жизни случались неожиданно. Судьба ни разу не предостерегла его и вела себя с ним откровенно по-издевательски. Вот, кажется, служба течет размеренно, ничего не может случиться чрезвычайного, как вдруг, в один недобрый миг, происходит кульбит, и жизнь встает на голову. Вернее, ее ставят вверх ногами. Как можно предположить, что самый обычный выезд на место преступления закончится такой бедой, чуть не отставкой. Давыдов не мог понять, за что с ним, в общем неплохим и незлым человеком, высшие силы поступают с такой безжалостной прямоотой. Чем он их прогневал? Не взятками же... Кто их не берет, без этого приставу нельзя. Да и какие взятки на его участке, так, мелкая благодарность в знак уважения...

Размышления не мешали ему наблюдать, как его людьми теперь командовал этот деятель из сыска. Пристав и раньше слышал недоброе об этом молодчике: дескать, талант, конечно, не отнять, но личность редкой наглости, заносчивости, ни во что не ставящая коллег. Недаром и дружка нашел себе такого же – Лебедева. Птицы с одной ветки. Теперь Давыдов в этом наглядно убедился.

Ванзаров, кажется, забыл, что дело ведет участок и в сыск его пока не передавали. Он бесцеремонно командовал горо-

довыми, указывая, где им стоять и что делать. Несчастно-го чиновника Макарова заставил сбегать в участок и притащить все керосиновые лампы. Света ему, видите ли, не хватает. Хорошо хоть, самого пристава не заставил в снег лезть. И на все эти безобразия Лебедев только одобрительно кивал. А еще статский советник называется.

О приставе вспомнили, когда потребовалось опознать другое тело. Давыдов, конечно, узнал его, но повторять выволочку, что не завел треклятую полицейскую карточку, ему не хотелось. Уговорить его оказалось несложно: Ванзаров взял слово с криминалиста, что тот не будет поднимать скандал на весь департамент из-за двух бумажек. Ну, или сколько их там упустили. С пристава было взятое честное слово офицера, что подобное в его участке больше не повторится. Давыдову даже как-то стало легче на сердце, и господа пришлые уже не казались такими омерзительными. Вырвав себе прощение, он подтвердил: личность убитого ему известна. Она ничуть не лучше приятеля из того же сугроба. Убитый был известный в участке скандалист и пьяница, драчун и ночной грабитель, работник фабрики резиновых изделий «Треугольник» Иван Рябов, которого дружки звали Рябчик.

По словам пристава, Рябчик был человек семейный, трое детей как-никак, да и жил отсюда – рукой подать. Разговорившись, пристав заметил, что без такой личности на его участке будет спокойней. Он готов выразить благодарность тем добрым людям, что очистили его улицы от Рябчика и

Комара.

Откровения пристава оставили Ванзарова безучастным. Отозвав Лебедева в сторону, чтобы пристав не мог слышать, он взглядом постарался заставить его говорить первым.

– Не лопните от натуги, коллега, – сказал Аполлон Григорьевич, приятно улыбаясь. – На меня ваши приемчики не действуют. Думаете, вот так возьму и вывалю вам бесценные сведения? На блюдечке с голубой каемочкой поднесу? Даже не надейтесь. Небось уже ручки потираете, предвкушая необычное дело, соскучились всякой ерундой заниматься, а тут такой подарок: два убитых фабричных. Какой резонанс пойдет! Так вот, хочу разочаровать беззастенчиво: пока ничего необычного тут не вижу...

– Разве?

– Ну, почти... Если вы обратили внимание...

Тут Лебедев опомнился, что делает как раз то, что поклялся не делать: выбалтывает важные детали. Погрозив пальцем и назвав Ванзарова жуликом, он пообещал, что больше тот от него слова не добьется. Пока тщательно не осмотрит оба тела в уютном морге 3-го участка.

– Я тут подумал: пора окончательно и бесповоротно закопать вашу лженаучную гадость, эту психологику, и поставить над ней могильный камень, – вдруг заявил он. – Вот вам мое пари: ну-ка ваша психологика справится с двумя обычными трупами на Обводном? Осилите – брошу курить сигарки.

– Чем грозит проигрыш?

– Падете перед настоящей наукой на колени и признаете свое полное поражение. Чтоб больше не придумывали глупости. Ну, и с вас роскошный ужин с цыганами, медведем и битьем посуды.

Прежде чем принять пари, Ванзаров уточнил: означает ли это, что он полностью лишается помощи криминалиста в этом деле? Его заверили, что на все вопросы будут даны четкие ответы. Не более...

– Аполлон Григорьевич, скажите только одно: где стоял убийца?

Лебедев крепился недолго.

– Полагаю, как раз около сугроба.

– Это логично, там место совсем темное...

– Да при чем тут ваша логика... – начал было Лебедев, но вовремя осекся. – Ванзаров, штучки ваши приберегите для допросов. А из меня вам больше ничего не вытянуть.

– Да разве я могу? – с легкой обидой спросил Ванзаров. – Так, мнение хотел ваше узнать...

– Вот вам мое мнение... – и Лебедев демонстративно захлопнул ладошкой рот.

– Ну, хоть скажите, кого убили первым. Мне кажется – Комара.

– Не угадал! Рябчика! – победно заявил Лебедев и по ухмылке Ванзарова понял, что опять угодил в детскую ловушку. – Идите лучше на приставе тренируйтесь.

При всем дружеском отношении криминалист не выно-

сил, когда младший коллега начинал играть им, как мячиком, а он бессильно барахтался в трясине психологии, которую искренно считал вредной лженаукой, потому что не мог ее измерить или провести над ней химический опыт. Ванзарову пришлось удержать друга за локоть и уверить в чистоте своих помыслов.

– Аполлон Григорьевич, пока ваши любимые трупы доставляют в участок, уделите пару минут своего бесценного времени, – сказал он.

Мало надо, чтобы кремень растаял. Лебедев охотно согласился пройтись.

Тяжкое, мутное, злое стояло облаком над душой, давя и лишая покоя. Янек не мог заснуть, как ни старался. Ночные отзвуки тихо баюкали, только сон не шел. Нельзя разобрать, что за тревога крысой грызет внутри. Откуда взялась, что хочет от него, что нашептывает неясное, странное, пугающее...

Из высоких окон лился ночной свет. Был он чужой и невиданный. Стены, знакомые до трещинки, вдруг обратились живыми полотнищами, за которыми было что-то; оно двигалось вверх и вниз, оставляя на поверхности только гибкие волны. Пол зиял черной бездной, в которую только сунься – пропадешь без следа. Ребра кроватных спинок торчали обглоданными скелетами, а за ними бугрились курганы шевелящейся земли, и что-то под ней копошилось, стонало и не могло выбраться.

Янек зажмурился и вцепился зубами в край одеяла. Рот свело от напряжения, а сердце угомонило бешеную скачку. Стало легче. Набравшись смелости, он чуть приоткрыл веки. В темноте проступили знакомые силуэты, из дальнего угла доносился натужный храп, сосед справа беспокойно крутился под серым одеялом. Наваждение отступило. Вернулось привычное и понятное. Вот только свет был каким-то чудным.

Стараясь не шуметь, Янек раскрыл одеяло, босыми ступ-

нями нащупал войлок тапок и медленно, чтобы не скрипнули пружины, оторвался от матраса. Пружины все равно застонали, но никто не проснулся. Сорочка небеленого полотна доставала ему до колен, снизу дуло, он зябко поежился. Янек стоял напротив окна, один не спящий, и свет нездешний манил его к себе.

Он поглядел туда, где... на изголовье кровати. Тряпицы прятали то, что должно быть сокрыто от чужих глаз. Велик соблазн заглянуть под них, проверить, вдруг случилось, чего он так ждал. Прямо сейчас... Янек отругал себя за такую вольность. Не время еще, после, потом. Сейчас манил незнакомый свет.

Тапки скользили. Янек плелся осторожными, мелкими шажками, чуть касаясь кончиками пальцев железных кроватей, линией, ведущей прямоком к окну. Проем, за которым были ночь и свобода, возвышался над ним на целый рост. Янек ощутил себя маленьким и беззащитным перед неспигаемой громадностью мира. Он скромно взялся за край подоконника и глянул в пространство.

Со второго этажа открывалась темная пустота голого сада, черневшего пятнами снега, за ним виднелась лента речки, скованной льдом. А над спящим миром стояла луна. Была она страшна и прекрасна, как лик, омытый кровью. Луна смотрела на Янека, и он ощутил, как ее кровавый свет лег на лицо, на шею, на сорочку, коснулся рук и окутал его всего. Янек закрыл глаза, подставляя лицо невиданному. Лу-

на нашептывала на непонятном наречии. Он не мог разобрать слов, стараясь уловить их сердцем. Луна говорила что-то важное лично для него, что он так давно искал и хотел понять, веря, что в конце концов найдет, как бы над ним ни смеялись. Ему было хорошо слушать тихую речь, в которой не понятно ни слова. Было покойно и тепло, как будто красный свет согревал, так что и зябкость прошла. Янек улыбался, луна нежно касалась его лица, лаская и целуя. Он мог бы провести так вечность, слушая ее шепот в неге и покое, которых так не хватало ему.

С улицы долетел какой-то звук, будто ломали ветку. Янек открыл глаза. В саду мало что изменилось. Деревья были те же, те же снег и чернь. Луна светила и улыбалась ему. Только среди ночного покоя появилось нечто, чего не могло быть.

Пробил озноб, сердце замерло, горло сдавило так, что не вздохнуть. Янек смотрел и не верил, что это происходит на самом деле. Он не мог зажмуриться, не мог даже моргнуть, такой силы, ужасающей силы казалось зрелище, возникшее перед ним. В красном обманчивом свете реальный и осязаемый явился кошмар, который мучил его столько лет и с которым он не мог справиться. Призрак не явился во сне, не вылез из паутины мыслей, а стоял перед ним зримо, как живой.

Надо спастись, надо бежать, надо зарыться в подушку, и тогда наваждение, быть может, исчезнет. Или уже не исчезнет. Они пришли за ним. Они нашли его, и теперь ему не

спасти. Они пришли за его несчастной душой. Зачем он им? Что сделал плохого? Отпустите...

Янек хотел бежать и не мог шевельнуться, крик рвался из него, а он не мог выдать вздоха. Призрак, будто почуяв его страх, ожил и сделал то, чего Янек боялся больше всего. И это случилось. Ночью. Когда он один. Он понял: это ловушка. Луна не ласковая, ей нужна его кровь... И призрак пришел за ним... Он с луной в заговоре... Теперь нет спасения...

Отчаянный, безнадежный крик разбил хрупкую тишину. Дремавший в коридоре дежурный надзиратель спросонья не сразу разобрал, что случилось и откуда шум. Пока он вертел головой, соображая, куда бежать, проснулся в тревоге разбуженный этаж. Пора было принимать срочные меры.

Крик на пределе сил человеческих набирал силу...

Прогулка по набережной Обводного канала ночью не входит в число традиционных столичных развлечений. Даже если поблизости толчется весь личный состав городских 3-го участка. Ванзаров ограничил променад тем, что завел Лебедева за угол, где ни ветер, ни случайное эхо не могли предательски донести приставу случайное слово.

– Сгораю от нетерпения насладиться очередной порцией ядерного коктейля бесполезной психологии. – Лебедев непринужденно поигрывал сигаркой, как веским аргументом, от убийственного аромата которой может спасти только чудо.

– Вернемся назад, – сказал Ванзаров, разглядывая носки запачканных ботинок.

– Назад, к приставу?

– Рябчик возвращается домой навеселе... – начал он, пропуская колкость. – Бояться ему нечего, все его знают, в сапоге финка, да и кто посмеет с ним связаться? Однако что-то заставляет его повернуть...

– С чего это взяли? – насторожился Лебедев.

– Рябчик получил удар в грудь, свернув в проулок, в котором ему делать нечего. Домой он шел по набережной.

– Вы не можете это знать! – Аполлон Григорьевич предостерегающе помахал сигаркой. – Даже я следов не обнару-

жил.

– С точки зрения психо... – Ванзаров осекся. – Скажем так: сильно пьяный всегда выбирает кратчайший путь домой, интуитивно...

– У вас богатый опыт в этом деле?

– Всего лишь экономия сил. Рябчик шел из кабака проторенной дорожкой.

– Он мог идти переулком.

– Не мог. В том направлении нет питейных заведений. Скорее всего, Рябчик выбрался из трактира Пенкина, он тут поблизости.

– Неубедительно, но допустим. И что из этого?

– Комар тоже оказался в переулке не по своей воле, – ответил Ванзаров.

– Повезло горемыке: зарезали позже, а городской нашел первым его.

– Забыл спросить: сколько прошло времени между двумя убийствами?

– Очень мало, полчаса, не более того... Судя по температуре тела.

– Это важный факт.

– Других у меня не бывает, коллега!

– Тогда простой вопрос: что заставило двух крепких, отчаянных мужиков бежать?

– Вы меня спрашиваете? – поинтересовался Лебедев.

– Нет, психологику, – последовал ответ.

Аполлон Григорьевич чуть не выразился крепко и витиевато, как умел, чем и заслужил почет у городских. В самом деле, склонность его друга везде и во всем находить сложность порой утомляла. Для чего строить концепции, когда и так все ясно как белый день. Район опасный, ночь темная, всегда найдется кто-то, кто не побоится ни Комара, ни Рябчика, превзойдя их лихостью, рука его будет тверда, а желание занять трон уличного короля – нестерпимо. Да и пристав в чем-то прав: такие шустрые ребята рано или поздно найдут себе конец не ножом, так топором или пулей. В общем, поражение в пари надо принимать с достоинством, а не придумывать увертки.

– Полагаете, я излишне усложняю?

Способность Ванзарова читать мысли приводила в изумление только новичков. Лебедев давно привык и виду не подал. Он лишь заметил, что тут надо работать не его умной головой, а ногами чиновников участка. Обойти окрестности и узнать, кто был с Комаром и Рябчиком в сложных отношениях, таких сложных, что захотел от них избавиться. Скорее всего, в том самом кабаке Пенкина случился конфликт, который и закончился в темном проулке. Найти убийцу – дело двух дней, если приложить старание. А в этот раз приставу Давыдову деваться некуда: найти придется.

– Зачем же позвали меня взглянуть на рану?

На этот вопрос Лебедев и сам ответить не мог. Опыт говорил ему, что в этом убийстве есть какая-то мелочь, занозин-

ка, которая мешает признать его окончательно примитивным. Взять хотя бы то, что криминалист не мог сразу определить, каким оружием нанесены удары. Досада его вылилась в упрямство.

– Аполлон Григорьевич, вы же знаете, что я прав.

– Нет, не знаю и знать не хочу... – резко ответил Лебедев, которому поднадоело хождение кругами. – Пока не осмотрю раны, выводы непозволительны. Тем более у нас пари. Которое вы проиграете.

– Но вы согласны, что это не грабеж?

– Ничего не слышу! – Криминалист заткнул свободным пальцем ухо. – Меня ждут трупы, которые не знают психологии.

– Тогда передайте приставу мою просьбу: собрать завтра утром в участке всех городских, что сегодня были на дежурстве.

Это Лебедев обещал исполнить с легкостью. Он взглянул на своего друга, который насупился и в задумчивости водил ботинком по сырому снегу. У Аполлона Григорьевича заскребло на душе, и он испытал нечто похожее стыд за то, что на ровном месте проявил характер. Дальним умом криминалист понимал, что Ванзаров скорее всего прав и в этом деле далеко не все так ясно. Но нельзя же все время бегать у младшего на веревочке. Он ведь тоже в каком-то смысле – гений.

Дружески хлопнув Ванзарова по плечу, Лебедев предло-

жил не мучить голову домыслами. Хотя бы сегодня.

– Пропал наш загул в «Данонь», – добавил он. – Нехорошо получилось, пригласил вас и обманул. Готов загладить вину по высшему разряду.

– Дадите покопаться в свежем трупe?

– Была бы охота портить хороший материал. Нет, дорогой мой, нас ждет развлечение похлеще: приглашаю вас в театр!

– Они же закрыты, – машинально ответил Ванзаров, полагая, что его зовут в варьете, веселых и отзывчивых актрисок которых Лебедев чрезвычайно уважал.

– Не угадал! – победно заявил Аполлон Григорьевич. – Завтра идем на гастролирующих москвичей, какой-то Эм-Ха-Тэ, – проговорил он аббревиатуру из трех букв. – Говорят, молодой, но уже модный театр, билетов не достать, так мне парочку организовали. Дают представление в театре Корша. Слышал, актеры у них молоденькие и хорошенькие. Одним словом, «Масква!»

– Что за пьеса?

– Норвежского драматурга Ибсена, «Доктор Стокман» называется. Как видно, что-то социальное, из жизни врачей...

– Спасибо за приглашение, пойду с удовольствием, – ответил Ванзаров. – Жаль, что ваша дама решила порвать с вами отношения. Необдуманый поступок. Могла бы сделать это после спектакля. Счастье, что женщины не владеют логикой, иначе нам бы пришлось совсем туго. Быть нам с вами бобылями, не иначе...

– Это случайное совпадение...

– Два совпадения – закон.

В который раз способность друга узнавать скрытое произвела не самый приятный эффект. Аполлон Григорьевич не нашел слов, чтобы выразить всю глубину своей досады. А ведь он так скрывал печальную кончину очередного романа, на который возлагались определенные надежды. Да что там говорить... Жадная и глупая мадемуазель оказалась, хорошо, что вовремя осознал. К счастью, могучая фигура помогла не лопнуть от распиравшей обиды. Лебедев всего лишь скомкал невинную сигарку и швырнул в снег. И постарался сделать вид, что вообще ничего не случилось.

– Чем займетесь? – спросил он слишком равнодушным тоном.

– Поищу свидетелей, – последовал ответ.

– Это правильно. Всегда следуйте моим советам. В трактире еще можно найти свидетелей скандала.

– В трактире делать нечего, – сказал Ванзаров. – Надеюсь отыскать куда более информированных лиц.

– Это кто ж такие интересные?

– Не могу ничего сказать, пока вы не исследуете порезы. – Лебедеву нагло подмигнули. – А когда будете ими заниматься, обдумайте странную мелочь: с чего это вдруг уличных хулиганов потребовалось убивать один за другим? Когда что-то подобное случалось в таком районе? Могу поспорить: это и вам не дает покоя...

Ванзаров кивнул и удалился по набережной, оставив друга в плотном тумане недоумения.

На Матисовом острове, близ места, где река Мойка впадает в Большую Неву, на участке, ограниченном речкой Пряжкой и самой Мойкой, с середины XIX века было выстроено четырехэтажное здание больницы Св. Николая Чудотворца, в которую помещали душевнобольных. Место это было печальное, но для крупного города необходимое. Душевные болезни одолевали жителей столицы все чаще. Напротив больницы стояли баржи, груженные лесом, кипела торговая и мастеровая жизнь, а за высоким забором царили тишина и покой, что считалось главным лекарством.

В восьмидесятых годах больница была передана в городское управление и перестроена, чтобы увеличить количество коек. Мест катастрофически не хватало. Даже казенные квартиры докторов отдали под палаты, оставив только одну главному врачу. Должность эту занимал уже двадцать лет уважаемый всем медицинским миром доктор Оттон Антонович Чечотт. Поляк, мечтавший о свободе любимой Польши и никогда не скрывавший своих политических взглядов, трудом и талантом сделал карьеру в столице империи. Впрочем, место главного врача он занял по конкурсу, предложив свою кандидатуру на открытую вакансию. С тех пор не жалел сил, чтобы его больница стала лучшей в столице, а значит, в России, опережая всех не только чистыми палатами, но и

научными исследованиями.

Доктор Чечотт привык ложиться поздно, поэтому его не пришлось будить, когда он срочно понадобился в отделении спокойных больных.

Дежурный врач Владислав Мазуркевич при помощи надзирателя вытащил пациента, у которого случился внезапный срыв, из палаты и принял самые безотлагательные меры, чтобы успокоить его. Надзиратель же вернулся наводить порядок в разбуженном отделении.

Янек сидел на смотровой койке, обхватив колени руками, легкая дрожь пробегала по телу, немигающий взгляд уставился в кафельные плитки пола. Он раскачивался и рисковал свалиться. Мазуркевич был настороже. Не спеша затворив за собой дверь, Чечотт спросил, что произошло.

Мазуркевич доложил, что у больного случилась истерика без видимых причин, причем такая сильная, что пришлось применить силу, чтобы его изолировать. Событие это было неожиданным и крайне неприятным для Чечотта.

За Янеком Пшибишевским он следил с особым интересом, и не только потому, что тот был его земляком. Молодого человека перевели в больницу Св. Николая Чудотворца из Варшавы по его настоянию. Чечотту был крайне интересен его случай.

Янек – сын мелкого варшавского лавочника – должен был унаследовать отцовское дело. Но вместо коммерции увлекся живописью, сам пробовал писать, что вышло у него коряво и

неумело. Тогда свою любовь Янек направил на изучение живописи, пропадал в картинных галереях, общался с художниками и мечтал о поездке в Рим или Париж. Все изменилось в один миг. На глаза Янеку попала известная репродукция картины «Двое смотрящих на луну»³. Янек не отрываясь смотрел на нее сутки, пока обеспокоенный отец не оттащил сына за ухо. Воля родителя оказалась бессильна. Янек забросил все интересы и проводил сутки, разглядывая картину. Терпение отца лопнуло, он обратился к врачам. Консилиум варшавских докторов пришел к неутешительным выводам: психоневроз первичной формы *Melancholia*⁴, в классификации Крафта-Эбинга. Лечение практически невозможно, только покой и молитва. Янека поместили в варшавскую лечебницу. Там ему стало хуже: он отказывался от еды и не позволял забирать у него картину.

Узнав обстоятельства, Чечотт решил попробовать в этом случае метод, который старательно разрабатывал. Он состоял в том, чтобы долгими беседами привести больного к пониманию своей болезни и тем самым направить на путь исцеления.

Янек не сразу пошел на контакт. Чечотту потребовалось море терпения, чтобы ухватить хотя бы краешек тайны: оказывается, Янек был уверен, что персонажи картины ждут

³ Картина *Каспара Давида Фридриха* – немецкого художника, одного из крупнейших представителей романтического направления в живописи Германии.

⁴ Меланхолия, или мрачное помешательство.

удобного момента, чтобы передать ему некую наиважнейшую тайну. И если он упустит миг, когда они обернутся, случится непоправимое. Чечотт показал Янеку репродукции других картин Каспара Фридриха, на которых персонажи смотрели на восход луны и на закат солнца над морем, и шаг за шагом стал приближать больного к осознанию абсурдности его страха. Излечение казалось совсем близко. И вот теперь все рухнуло. Чечотту надо было узнать причину этой маленькой катастрофы. Он ласково и тихо спросил об этом Янека.

– Пусть он уйдет, – Янек мотнул головой в сторону Мазуркевича.

Извинившись, Чечотт попросил оставить их. Когда дверь захлопнулась, он повторил свой вопрос.

– Пан доктор, это случилось... это случилось... о, ужас... – затараторил Янек.

– Что случилось, дорогой мой?

– Пан доктор, они пришли за мной... – Глаза Янека были расширены, тело ходило маятником. – Все, что вы говорили, – ложь. Они живые, они пришли за мной... Они стояли передо мной...

– О ком ты говоришь?

Янек злобно фыркнул.

– Пан доктор, ну зачем вы... Мы столько говорили об этом... Я вас предупреждал, а вы меня уверяли в обратном... Это случилось... Это случилось... Они пришли за

мною...

– Персонажи картины пришли к тебе в палату?

– Нет, они были в нашем саду!

– Как ты там оказался?

– Я стоял у окна... Светила луна, красная и безмерная...

И я увидел, чего я ждал столько лет: они стояли там, в саду...

И знаете что, пан доктор?

– Расскажи мне, Янек...

– Рассказать? Да я расскажу вам, чтобы вы убедились: я никогда не врал вам, пан доктор... Знаете, что случилось?

О, как я был прав! Они обернулись ко мне.

– Ты видел их лица? – спросил Чечотт озабоченно.

– Да, я видел их лица! – закричал Янек, сбросив ноги на пол и раскинул руки, словно хотел сжать доктора в объятиях.

– Что же это были за лица?

– Вы хотите знать? Что ж пан доктор, я вас предупредил... – Янек замер и вдруг закричал, побагровев и выпучив глаза: – У них не было лиц!!! Ночь была их лицом!!!

Янек бился в конвульсиях на полу. Потребовалась помощь Мазуркевича и надзирателя, чтобы удержать брыкающееся тело и дать снотворное. У Чечотта выбора не осталось. Пациент был переведен на четвертый этаж в палату для беспокойных больных.

Обитатели Нарвской части нуждались в средствах частенько. Если отнимать или грабить на улице было несподручно или просто лень, всякий знал, где раздобыть денежку. Ступеньки под облезлой вывеской «Ломбардъ» вели в подвал, в котором безраздельно властвовал царь ростовщиков. Местные наградили его кличкой Матрас, вероятно за ветхий полосатый халат, который годы напролет не снимался ни летом, ни зимой. Сам он представлялся как Автандил Чарташвили, потомок кутаисских князей. В участке подозревали, что это Самуил Гольдфарб, много лет назад пропавший в Одессе. У него остались безутешная жена и две дочки, а сам он скорее всего перебрался в столицу, чем нарушил закон о черте оседлости. В докладах сыскальной полиции он проходил как ценный агент-осведомитель под псевдонимом Леший. Настоящее имя ростовщика никто не знал, а паспорт у него отчего-то никто не спрашивал. Да и зачем ростовщику документ, и так сидит безвылазно в своем подвале. Что было правда: в любой час можно было сдать что-то ценное и получить за это пару медяков.

Нагнувшись, Ванзаров постучался в сводчатое окно, выступавшее над тротуаром на локоть. Открывать не спешили. Пришлось тарабанить до звона стекол, пока из глубин земли не послышался раздраженный возглас, похожий на: «Иду-

иду, холера тебя забери!»

Подвальная дверца распахнулась. Ванзаров еще раз убедился в меткости служебной клички: ростовщик жутко смахивал на печеное яблоко, поросшее густым лесом вьющихся волос. Нос его напоминал хобот, а маленькие черные глазки прятались за кругляшками треснувших очков. Ростовщик держал над собой подсвечник с оплывшим огарком, с которого ему на плечи капал воск. Знаменитый халат был на месте, а макушку украшала шитая тубетейка с затейливым орнаментом.

Разобрав, кого принесла нелегкая, ростовщик расплылся в улыбке, отчего мохнатые щеки почти заслонили глаза, и церемонно поклонился.

– О, какое счастье в моем доме! – забормотал он лягушачьим хрипом. – Да что ж вы утруждали себя, ваша светлость, дали бы весточку, Автандил примчался бы по первому зову, как пчела на цветок... Да проходите же скорей, чего на улице стоять, – говорил он, поглядывая на тротуар, который как раз находился на уровне его носа. Лишняя болтовня о посещении полиции была ему совершенно не нужна.

Компрометировать агента по пустякам не следовало. Ванзаров спустился в подвал, где вынужден был дышать преимущественно ртом. Ядреная смесь нафталина, гнили, кожи, красок, застарелой пыли и нечистот висела в воздухе плотной пеленой. Кроме беспощадного запаха подвал был примечателен еще одним обстоятельством. Наконец Ванзарову по-

счастливилось повстречать место куда более захламленное, чем кабинет-лаборатория Лебедева. Если криминалист еще пытался поддерживать подобие порядка у себя на рабочем месте, то ростовщик не позволял себе такой слабости. Он развел фантастическую свалку, возвышавшуюся курганами до потолка. Страшно представить, что могло найтись на дне этих мусорных стопок – скелеты доисторических животных, не меньше.

Ростовщик с интересом глядел, какое впечатление произвело его царство.

– Так вот и живем, сводим концы с концами, ваша честь, – со вздохом доложил Автандил.

Пришлось напомнить, что гость и не «светлость», и не «честь», с него будет достаточно обращения «господин Ванзаров».

– Как процветает коммерция?

Автандил горестно отмахнулся.

– Да какая там коммерция! Шо вы! Так, хватает на хлеб, и на том спасибо...

– Краденое потихоньку принимаешь?

– Да разве такое можно? Да никогда такое не позволю. – Глазки ростовщика так и сияли честностью.

– Это меня мало волнует... уважаемый, – использовал Ванзаров нейтральное обращение, так и не выбрав между Лешим и Автандилом. Называть хозяина Матрасом было как-то неприлично. – У меня другой интерес. Такие лично-

сти, как Комар и Рябчик, известны?

– Кто ж их не знает, – ответил ростовщик с недоброй ноткой; видно, молодцы крепко досаждали ему.

– Кто такие? Чем знамениты? С кем дружбу водят?

– Шкварки они мелкие, вот кто. – Автандил даже плюнул с досады. – Гонору много, а ума нет. Там дернут, тут рубль вырвут, разве ж это умно? Одним словом, мусор уличный. Только и могут, что финкой махать да кулаками трясти...

– Держат окрестности в страхе?

– Да я вас умоляю! Кто этих прощелыг боится! Пьянь – одно название. Да они в участке спят чаще, чем дома...

– Вместе шалют?

– Да какое! Друг другу сколько раз лицо портили, я не знаю!

– Враги закадычные у них имеются? Желаящие занять их трон?

– Не смешите меня, господин Ванзаров! Тоже мне, короли преступного мира! Да кому они сдались? Цена им – ломаный грош. Да и то в базарный день. Таких героев полный Обводный канал... А шо вас интересует? Так вы спросите, я отвечу, конечно...

Ванзаров не стал городить ловушки, а спросил напрямик: что сегодня вечером происходило необычного на набережной Обводного.

Ростовщик соорудил удивленную мину, отчего лицо его скрылось в складках.

– Необычного? – повторил он. – Да вроде все тихо...

– Около девяти вечера был шум с улицы, возможно, кто-то кричал.

– Да у нас тут все время кто-то кричит. – Ростовщик откровенничать не спешил.

– Уважаемый, разговор этот останется строго между нами, даю слово, – сказал Ванзаров. – Этого достаточно?

Автандил замялся, не зная, как быть.

– Что ж, вы человек достойный, везде уважение имеете, – проговорил он.

– Я помогу... Итак, в указанное время раздался крик, кричал мужчина. Вы выглянули в окошко... Что дальше?

– Пробежал кто-то, – сказал ростовщик тихо, будто его могли подслушать. – Не скажу кто, быстро пробежал...

– А еще?

– На смех не подымете?

Ванзаров обещал отнестись к любому известию с полной серьезностью. И тогда Автандил рассказал, что вслед затем он заметил странную фигуру, которая пронеслась мимо его окон. Росту не сказать чтобы высокого. Что характерно: одета в черный длинный плащ до самых пят, на голове треугольная шляпа, вроде старинного фасона, тоже черная, без перьев.

– Лицо не заметил? – спросил Ванзаров.

– А лица-то и не было... – помедлив, сказал Автандил.

– То есть не успел разглядеть?

– Не было лица вовсе, говорю же. Пустота... Чернь...

Призрак...

Огонек на огарке вздрогнул, словно сказанное вызвало из глубин тьмы что-то недоброе.

– Может быть, на лице была маска?

– Не может! Говорю же – пустое место, ночь одна.

– И над пустотой – *triscorno*?⁵

– Нет...

– Призрак не показался знаком?

– Да что вы такое говорите, месье Ванзаров!

– Ростом призрак вышел?

– Да шо я знаю! – Ростовщик возмутился. – Пробежал в окне, и ладно.

Ванзаров протянул к подвальному окну руку, выставил фалангу пальца и для верности прищурил глаз. Автандил наблюдал за таинственными манипуляциями с тревожным опасением.

– Прощения прошу, господин Ванзаров, вы зачем пальчик выставили? – спросил он.

– А призрак роста был довольно среднего, – заметил сыщик. – Уважаемый, быстро он пробежал?

– Я бы сказал, шо он таки пролетел, так вы не поверите...

В темноте подвала повисло молчание. Ванзаров обдумывал услышанное. Вежливое покашливание напомнило, что

⁵ Т р и к о р н о – распространенная в Венеции треугольная шляпа черного цвета.

лучше бы кое-кому и честь знать.

– Благодарю вас, вы очень помогли, – сказал он, двигаясь к выходу из подвала. – Если узнаете что-то о призраке, пришлите весточку...

– Не имейте сомнения! И что за печаль, господин Ванзаров, что свадебка ваша не срослась. А то бы от честного люда с нас подарок был, как полагается...

Зачем газеты, когда все про всё знают. Осведомленность изумительная.

– Я подарки не беру, – ответил Ванзаров, пробираясь на свободу.

– Так ведь известно... Ничего, в другой раз счастье вам будет... Только вы никому о моей болтовне, а то ведь решат, что Автандил с ума сошел, – просил ростовщик, идя за ним следом.

Ванзаров повторил обещание сохранить его слова в полной тайне. И на суд свидетелем не вызвать. Да и кто возьмется судить призрака в треуголке.

На углу Троицкого и Старо-Петергофского проспектов ресторатор Шалон открыл трактир с крепкими напитками. Место было опрятное и недорогое, а публика собиралась скромная, но чистая. Приказчики, конторщики, купцы средней руки – в общем, люд работающий, но не затрапезный. Пьяные гулянки здесь не допускались, половые держались в меру вежливо, так что не стыдно пригласить делового партнера заключить и скромно отметить сделку.

В дальнем зале трактира за столом, развернутым к входу, сидела ничем не примечательная компания. Четверо мужчин были одеты в гражданскую одежду из магазина готового платья. Костюмы их отличались только оттенками серого. Говорили они вполголоса, так, что и половые ничего не могли разобрать. Попивали чай с набором варений и сушек. Держались подчеркнуто скромно, стараясь быть незаметными и слиться с окружающей обстановкой. Что успешно удалось. На них никто не обращал внимания. Да и что примечательного может быть в полноватом господине далеко за сорок или в его соседе напротив – крепко сложенном моложавом мужчине с чистым пробором темных волос. Или еще в одном, невысокого роста, сухопаром. Разве что один из них отличался орлиным восточным носом и черными кудрями. Впрочем, крепкий загар был у всех.

Наметанный глаз непременно отметил бы у них общую черту: офицерскую выправку, заметную в посадке спины. Что не спрятать никакому пиджаку.

– Довольно ходить вокруг да около, говорите как есть... – сказал худощавый господин, добавив странное обращение.

– Господа, прошу отвыкать от кличек, здесь это может вызвать лишние вопросы, – ответил господин с прямым пробормом.

– Слушаюсь, господин ротмистр, – последовал быстрый ответ.

– Так что поведаете нам плохого, Петр Сергеевич? – обратился к нему же седой господин.

– Мы сгараем от нэтерпения, мой друг Ендрихин! – заметил кудрявый господин с милым и вкусным грузинским акцентом.

– Князь... – Ендрихин еле заметным движением подбородка отдал честь, – полковник Миллеров... – снова мельчайшее движение, – поручик Александрович... Господа... Нельзя сказать, что новости дурные. Я бы назвал их ожидаемыми. В нынешней политической обстановке в наших услугах больше не нуждаются...

Князь издал резкий горловой звук, на него даже обернулись от соседних столов.

– Прэкрасно! Когда нас звали баротья с Англией, отстоять интересы России на далекам кантэнэнте, ми были нужны... Бурскую войну проиграли палитики-дабравольцы

– уберите с глаз! Чэ!

– Господа, хочу напомнить, что мы поехали именно добровольцами, – сдержанно сказал Ендрихин. – Нас никто не заставлял, это было наше решение. И ехали мы за свой счет. Но сначала вышли в отставку. Чтобы сражаться за свободу от английского владычества Трансвааля и Оранжевой Республики, которые должны были создать государство Ново-Голландию, крайне дружественное к России и ее военно-морскому флоту. К сожалению, затея не удалась. В том вины нашей нет. Надеюсь, все это запомнили до конца своих дней. И никогда не расскажете ни одному репортеру, как бы вас об этом ни просили...

– Так точно, добровольцами, – сказал Александрович, хмуро разглядывая чашку.

– Как же нам теперь прикажете быть? – спросил полковник Миллеров.

– Жить как обычно, – ответил Ендрихин. – Может быть, уехать погостить к дальним родственникам, чем дальше, например на Урал или в Сибирь, тем лучше. Недовольство высших кругов власти скоро прекратится, ветер переменится, и наш опыт будет востребован. Уверяю вас. У нас есть надежные и влиятельные друзья. Никого из своих мы не дадим в обиду. Даю вам слово офицера.

– Приятно слышать, – сказал полковник Миллеров.

– Ну а пока, господа, мы ждем перемену ветра, прошу вас на всякий случай сохранять бдительность...

– Как это понимать, господин ротмистр? – спросил Александрович.

– Представьте... Нет, лучше помните это каждую минуту, что война продолжается. Только теперь она идет не в буше⁶ или на пересеченной местности, а в условиях города. Что не менее трудно и опасно, как вы понимаете.

– Это прелестно! – вскрикнул князь, опять обратив на себя чужие взгляды посетителей, которым он приветливо помахал.

– Не нужно особых мер предосторожности, реальной опасности пока нет, – сказал Ендрихин. – Но мирный настрой следует отложить до лучших времен.

– Петр Сергеевич, вас можно поздравить с назначением? – спросил Миллеров.

– Это вопрос пока не решенный...

– Жаль! Готов отметить прямо сэйчас! – Князь одарил всех белозубой улыбкой, отчего настроение за столом само собой прояснилось. Господа заулыбались. Разговор пошел легче. Ендрихин напомнил, что способ связи остается прежний, в экстренных случаях все знают, как его найти. В остальном сохранять прежний порядок, держать контакт со всеми добровольцами, вернувшимися в Петербург. И регулярные встречи раз в неделю здесь, в трактире. Ендрихин присвоил этому месту статус временного штаба и оператив-

⁶ Б у ш – обширные, не освоенные человеком пространства, обычно поросшие кустарником или низкорослыми деревьями.

ное название «Трансвааль».

В каждой семье есть и своя гордость, и свой позор. Гордостью, безусловно, был Борис. Родственникам выпало счастье хвастаться талантливым и умным юношей, который своими стараниями и практически без протекции уже добился многого и непременно добьется еще таких высот, что только держись. Одно упоминание ведомства, в котором Борис делал успешную карьеру, вызывало сдержанную зависть окружающих. Сидя в гостях, приятно было бросить невзначай: «Мой родственник служит в Министерстве иностранных дел, и он уверяет, что газеты сообщают далеко не всю правду по этому вопросу. На самом деле...» После чего лица гостей выражали почтительное внимание, а врать можно было что угодно.

О семейном позоре родственники предпочитали помалкивать. Ванзаров к этому привык. Вернувшись поздно ночью, он нашел в двери воткнутую записку. Старший брат милостиво приказывал своему непутевому братцу с утра быть дома и дожидаться его визита. Это было необычной, если не сказать – редкой, наградой, словно олимпийское божество изволило сойти с облака и явиться простому смертному. Что вдруг понадобилось чиновнику Министерства иностранных дел от презренного полицейского, в записке не сообщалось, а «важный вопрос», который был упомянут, скорее всего полная чушь. Что-нибудь вроде: «Когда ты, наконец, возьмешь-

ся за ум? Пора бы, Родион, в твои года остепениться, чиновнику нужна жена, это важно для карьеры. Мне стыдно отвечать, когда меня спрашивают, что мой брат не женат. Матушка опять плакала...» Или другие подобные нравоучения. Ванзаров считал, что старший брат – это испытание, которое послано ему за грехи гордыни и строптивости. Борис как начал воспитывать его с детства, так и не заметил, что младшему уже далеко за тридцать и он как-никак титулярный советник⁷.

Записка отправилась туда, где ей было самое место – в полойное ведро, а Ванзаров нарочно встал на час раньше, чтобы наверняка не оказаться дома, когда явится дорогой гость. Быстро одевшись в чистую сорочку и обычный гражданский костюм, он накинул пальто и запер дверь.

На лестнице слышались уверенные быстрые шаги. Эти шаги Ванзаров узнал бы из тысячи. Брат решил подстраховаться – видно, матушка опять оплакивала младшего – и коварно приехал раньше. Слушать с утра нравоучения хуже дурного обеда. Путь к отступлению был отрезан. Сверху чердак, снизу наступает враг. Оставался единственный шанс. На лестничной клетке виднелась узкая ниша, как будто строители немного не рассчитали размеры квартиры. Прятаться в ней – глупость полная, особенно если Борис его найдет. Но право делать глупости – это его исконное право. Ванзаров, не тратя более ни секунды, втиснулся в нишу, вжавшись спиной

⁷ Гражданский чин IX класса, соответствует армейскому штабс-капитану.

в кирпич. Носки ботинок предательски торчали, пришлось развести их в стороны. Поза была – глупее не придумаешь. Будто любовник прячется за шторой. Ванзарову стало стыдно. Он покраснел, но дыхание придержал.

Борис уверенно двигался к цели. Дернув ручку, он нашел, что дверь заперта и не ждет его брат с распахнутыми объятиями. Хотя чего еще ожидать от подобного субъекта. Борис дернул звонок, подождал, дернул еще раз. Потом еще. С таким же успехом можно было трезвонить до вечера. Сомнений не осталось: младший брат не спит, не пьет чай, не оглох, не выпрыгнул из окна, что было не самым худшим его поступком, а нагло и беспардонно пренебрег распоряжением быть на месте и попросту исчез. Где теперь его искать? Борис был крайне, крайне опечален таким обстоятельством. К череде нелестных характеристик Родиона Георгиевича было добавлено: «пренебрегает желанием старших», после чего Борис Георгиевич счел, что для перспективного дипломата невозможно более оставаться в этом негостеприимном доме. Он нахмурился и, не глядя по сторонам, пошел по лестнице.

Ванзаров мог выдохнуть. Урок оказался полезным: в полутемном помещении можно слиться с окружающим пространством, не применяя особых хитростей. Достаточно не попадать в поле зрения, держаться неподвижно на уровне стены, а черный костюм гарантирует полный успех. Маленький факт в копилку знаний о человеческом поведении. Какое-нибудь необъяснимое, загадочное преступление, почти

фокус, на самом деле использует простые, если не примитивные законы человеческого восприятия, психологии, так нелюбимой Лебедевым. Чтобы понять этот фокус, надо всего лишь иметь открытые глаза и практический опыт. Ответы на самые сложные вопросы чаще всего находятся на виду, потому так трудно их заметить.

Размышляя об этих и тому подобных историях, Ванзаров торопился на службу в Управление сыскной полиции. От квартиры, которую он снимал на Садовой улице, до здания на углу Львиного переулка и Офицерской улицы было десять минут быстрым шагом. А Ванзаров шел чрезвычайно быстро. Чтобы предупредить дежурного чиновника: сегодня его нет и не будет ни для каких просителей. Особенно для Бориса Георгиевича Ванзарова, чиновника МИДа. Этому милому господину лучше всего сообщить: Ванзаров-младший отправлен в длительную экспедицию, ближайший месяц прячется в засаде, погиб в неравном бою с преступниками. Или что-нибудь не менее приятное.

Управление сыскной полиции занимало третий этаж здания, в котором располагался 2-й полицейский участок Казанской части, кроме того, тут располагался кабинет с управлением полицеймейстера II отделения Петербурга, особого полицейского чина в столице, который командовал десятком участков. Как и три других полицеймейстера, деливших город на четыре отделения.

В приемной сыска расположились несколько чиновников.

Рабочий стол Ванзарова втиснулся между окном, шкафом, в котором хранились городские справочники и свод «Уложения о наказаниях», и картотекой. Кивнув чиновнику Ивлеву, Ванзаров сразу занялся картотечным стеллажом. Кроме антропометрического бюро, собиравшего сведения о всех преступниках России, сыск вел свой небольшой учет столичных воров и убийц.

Карточки, копившиеся три десятка лет, стояли плотными рядами. Ванзаров пробегал пальцами по заглавиям разделов, вынимал приглянувшуюся карточку, изучал, возвращал на место и принимался рыться дальше. Ивлев поглядывал за ним, пока не предложил свою помощь. Отказаться от услуг опытного сотрудника, который пришел в сыск еще юношей при великом Путилине, было неразумно.

Задвинув последний ящик, все равно бесполезный, Ванзаров описал условие задачи: двойное убийство. Без ограбления, без очевидных мотивов мести или любовного треугольника, почти наверняка не имеет отношения к сведению счетов среди преступников. Жертвы – из фабричных. Раны нанесены колюще-режущим оружием пока неясного характера. Было что-то подобное в истории петербургского сыска?

– Убиты вместе? – спросил Ивлев.

– На одном месте, но с некоторым промежутком времени, – ответил Ванзаров.

– А что за дело? У нас вроде такое не проходит...

– Это мой личный интерес, Иван Андреевич.

– Ну, раз личный... – Ивлев грузно потянулся в кресле. – Не скажу, чтоб память меня подводила, но сразу подобрать пример, боюсь, не смогу, прости, Родион Георгиевич.

– Пустяки. Когда у нас убийца последний раз одевался призраком?

– Призраком? – повторил Ивлев. – Это как же понимать?

– Скажем, убийца мог нарочно одеться в некий маскарадный костюм.

– Скрыть свою внешность?

– Вероятно.

– А каков костюм?

– Трудно сказать, нечто черное и романтическое...

– Что-то мудрено для уличного преступления...

– Вы правы, Иван Андреевич. Так что там, в анналах истории?

Ивлев смог припомнить только случай, когда в середине восьмидесятых годов лихие ребята натягивали бесовские маски и грабили купцов. Но там мотив был понятен: своих же грабили. Более примеров не нашлось.

Оставалось просмотреть сводку происшествий за сутки, которую сыск получал наравне с Отделением по охране общественной безопасности и порядка, в просторечии – охранка, и жандармским корпусом. Сообщения были самые рядовые. Из 3-го участка Нарвской части сообщали об убитых фабричных. Расследованием занимается пристав Давыдов. Ванзаров отметил, что пристав после взбучки взялся

разбираться с делом сам, что было с его стороны очень благородно.

В приемную явился посетитель. К счастью, он не имел ничего общего с отвратительным Министерством иностранных дел. Это был репортер «Петербургского листка» Федя Чушуев, писавший под псевдонимом «А. Гранд». Он притащился с утра как измученный зверь, пришедший на водопой. Для вечернего выпуска ему требовались горячие новости, публика жаждала крови и происшествий, тираж надо было держать любой ценой. К Феде привыкли, как привыкают к уличной грязи и снегу: отделаться все равно невозможно. Так лучше держать на коротком поводке, вдруг пригодится.

Однажды проникнув в сыск, Федя сумел не столько подружиться, сколько примелькаться. Каждое утро теперь начиналось с появления его небритой физиономии, от которой разило не только одеколоном. Федя витиевато приветствовал рыцарей без страха и упрека, стоящих на страже покоя граждан, рассказывал новый анекдот, иногда – политический, плюхался на стул для посетителей и умолял спасти детей, каких у него отродясь не было, от голодной смерти, подкинув парочку-другую «свежачка». «Листок» отличался тем, что публиковал новости на день раньше официальной газеты губернатора «Санкт-Петербургские ведомости». Все знали, что новости – это в «Листке». Благодаря стараниям Феде о происшествиях в городе и губернатор, и рядовой чи-

татель узнавали одновременно. Сколько ни пытались бороться с таким возмутительным превосходством над газетой губернатора, Федя все равно торчал в сыске, а «Листок» расходился, как горячие пирожки.

Ивлев побурчал для виду, чтоб репортеришка не сильно зазнавался, и пододвинул к нему сводку, как будто случайно. Федя накинулся коршуном.

– Эх, скукота! – проговорил он, зыряка в сводку и чиркая у себя в блокноте.

– Что вам не по вкусу, Теодор? – спросил Ванзаров, не одобрявший прессу вообще, а крикливый «Листок» – особенно.

– Ничего интересного. Хоть бы какое завалящее сенсационное преступление.

– Что бы вас устроило?

– А что у вас есть, Ванзаров? – насторожился Федя.

– Вопрос гипотетический, Теодор.

– А, гипнотический... – Федор относился к словам с некоторой вольностью. – Ну, скажем... – Он мечтательно задумался. – В чане с вареньем всплывает глаз! Или в сундуке находят обрубок человеческого тела! Или, скажем, господин убивают золотой спицей! Да мало ли чего можно придумать...

– Пишите, Теодор, криминальные романы, огребете кучу денег. Только псевдоним подберите звучный. Лучше – из трех букв. Что-нибудь вроде «Чиж» или «Пыж».

Федя понимающе кивнул.

– Дескать, краткость – мать таланта?

– Нет, краски типографской изведете меньше, а доверчивый читатель запомнит быстрее.

– Эх, времени нет, – ответил Федя, позевывая. – Утром надо вечерний номер сдавать, вечером – утренний. Кручусь как белка на поводке...

– Могу предложить убитых фабричных, – сказал Ванзаров.

– Да, негусто... Что поделать, беру. Номер надо закрыть...

Федор излился благодарностями и исчез. Запах от него исчезать не спешил.

– Родион Георгиевич, а не этих фабричных ты имел в виду? – спросил Ивлев, кивая на сводку.

Ванзаров не стал скрытничать или водить за нос опытного сыщика. Некрасиво и бесполезно.

– А что тебе покоя не дает? Дело вроде пустяковое, вон пристав сам взялся. Значит, уверен, что дня за три справится.

– Логичного ответа у меня нет, Иван Андреевич, – ответил Ванзаров. – А морочить вам голову психологическими предположениями считаю нечестным.

– Значит, призрак, говоришь?

– Не я, свидетели такую странную ерунду утверждают.

– Надежный свидетель-то? Чай, не барышня?

– Далеко не барышня. Леший с Обводного.

– О, у этого жулика глаз верный, – сказал Ивлев. – Ну, займись, раз так невтерпеж. У нас своих-то дел, конечно, мало...

– Не мало. Но отпустить жалко. Любопытство – мой тяжкий грех. Как и любовь к родственникам, особо к старшему брату. Ничего не могу с собой поделать.

– Как будешь ловить призрака?

– Обычными силками: логика, психология и криминалистика...

Ванзаров направился к деревянному полированному ящику фирмы Siemens, покрутил ручку вызова, назвал барышне на коммутаторе номер из четырех цифр в Департаменте полиции, послушал шуршащую тишину, пока из нее не выскочил громогласный вопль: «Лебедев у аппарата!»

Пожелав доброго утра и прочих радостей жизни, он спросил, как там поживают трупы. Удалось установить орудие убийства? На что получил исчерпывающий ответ: трупы поживают прекрасно, порезы изучены, но все подробности – вечером в театре.

Ванзаров еще пытался выудить секрет, но Аполлон Григорьевич был неумолим: только в театре. Одному ему наслаждаться высоким искусством тоскливо. А так у него гарантия, что дорогой друг не придумает десяток оправданий, чтобы не явиться. Ванзарову пожелали запастись терпением. На чем телефонный аппарат отключился. Все-таки неприят-

ное изобретение. Не видя собеседника, трудно держать его в своей власти. Придется идти в театр. Что Ванзаров, честно говоря, совершенно не планировал.

Ивлев занялся составлением какого-то отчета, в приемной появились и другие чиновники. Ванзаров посмотрел на стопку дел, что дожидалась его, на чернильную ручку, на чернильницу и понял, что сегодня никто не заставит его портить бумаги отчетами и докладами. Что он ненавидел так же сильно, как любил мудрость Сократа. Никуда не денутся, подождут отчеты.

Вытащив справочник «Весь Петербург за 1901 год», Ванзаров проверил адрес, пожелал коллегам исключительных успехов и покинул управление. На улице он тщательно осмотрелся, опасаясь появления из-за угла любимого брата. Офицерская была свободна от родственников. Ванзаров поймал пролетку и назвал адрес на Рижском проспекте.

Доктор Чечотт был прекрасно осведомлен, какая стая мелких и крупных жуликов вертится вокруг благотворительности и попечения немощных, а душевнобольных – особенно. Но эта барышня была редким исключением. Была она прекрасна решительно во всем. Чистое, светлое, несовременное лицо, напоминавшее красавиц с гравюр прошлого века. У нее была шелковистая кожа и светлые волосы, что выдавало в ней породу и благородную шляхетскую кровь, которая всегда возьмет верх. Чечотту нравилось и воспитание барышни, и манера общения, и, конечно, робкие попытки говорить на языке предков. И хоть она коверкала даже простые польские слова, но так старалась, что Чечотт не мог не умиляться. Что же до образования, у дочери знаменитого профессора классической филологии Петербургского университета Заварского оно было выше всяких похвал. Барышня неплохо могла говорить на латыни. Фигурка ее, ладная, завернутая в модные наряды, была столь хороша, что на нее лучше бы и не смотреть. Даже значок Общества попечения душевнобольных, вызывавший у Чечотта неприязнь, на ней выглядел орденом достоинства.

– Ах, пани Ирэна, с вами становится светлее, – говорил Чечотт, целуя милую ручку и усаживая дорогую гостью. – Как я рад каждому вашему визиту!

– Пан Чечотт, мне так приятно бывать у вас, к тому же это мой долг, – отвечала она сдержанно.

Доктор видел, что барышня излишне возбуждена. Но чему тут удивляться, когда такой возраст: чудо, что в головке у нее есть еще что-то, кроме любви.

– А знаете, доктор, я всех теперь заставила называть меня, как вы меня называете, на польский манер – Ирэна, – продолжила она. – Даже папа, хоть он упирался, но я объяснила ему, как это важно помнить о своих корнях, а не только о Древней Греции.

Доктор Чечотт решил, что она просто чудо, и выразил благодарность за подобную честь.

– Ах, да что я вас отрываю своей болтовней. – Ирэна от волнения тронула горящие щечки. – У вас столько дел...

– Для вас я всегда свободен, дорогая.

– Так скажите скорее, как дела в больнице? Все ли в порядке? Не нужна ли какая срочная помощь?

Чечотт ответил, что в целом все идет как должно. Вчера, к сожалению, у больного случилась истерика, но в целом – ничего непредвиденного.

– Быть может, ему нужна помощь? Дружеское участие? – заторопилась она. – Давайте я побеседую с ним, успокою добрым словом, ему станет легче. Вы не волнуйтесь, я умею разговаривать с такими больными. Его можно навестить?

– Сожалею, моя милая и добрая пани Ирэна, это совершенно невозможно. Даже для вас, моя прекрасная пани. Мо-

лодой человек помещен в отделение беспокойных больных, в специальную палату. Посещения и встречи по режиму категорически запрещены.

– Так он молодой? – с грустью спросила Ирэна.

– Немного старше вас.

– Как это несправедливо, когда молодые... У него была несчастная любовь? Он не смог вынести разлуки с любящим сердцем?

Доктор Чечотт только улыбнулся такой наивности: барышни в ее возрасте думают только об одном.

– Уверяю вас, пани Ирэна, к сердечным мукам его болезнь не имеет никакого отношения.

– А что же случилось?

– Ему кажется... Впрочем, здесь мы вступаем в зону, которую охраняет врачебная тайна.

Ирэна очаровательно загрустила.

– Даже для меня не может быть сделано исключения? Я так хочу хоть чем-то помочь бедняжке...

Чечотт только печально вздохнул.

– Врачебные правила не оставляют мне выбора...

– А почему у него случилась истерика?

– Он увидел призрака, – ответил Чечотт и по расширившимся зрачкам понял, что барышням, даже умным, некоторые вещи лучше не говорить. Слово «призрак» вызвало в ней бурю эмоций, скорее всего она уже вообразила себе привидение. Доктору пришлось пояснить, что призрак был по-

рождением болезни, не более.

Умная девушка все поняла и не стала капризничать. Она встала, чтобы проститься. Чечотт сказал, что госпожа Лисневская, доктор, состоящая в женском отделении, ожидает ее. У нее есть несколько просьб о помощи больным и одиноким женщинам. Ирэна с жаром заявила, что сделает все возможное, чтобы помочь несчастным.

Доктор уже раскрыл перед ней дверь, когда проем заклонил высокий господин с кудрявой шевелюрой. Окинув взглядом Ирэну, он издал мало приличный возглас голодного самца и поцеловал кончики ее пальцев. Барышня ответила ему строгим, обличающим взглядом и прошла мимо, отвернувшись. Развязный тип посмел еще смотреть ей вслед с неприличной улыбкой. Такое поведение в своем кабинете Чечотт допустить не мог. Он сурово спросил, что нужно посетителю.

Господин сейчас же расплылся в улыбке, добродушной и наивной до такой степени, что у Чечотта немного отлегло.

– Прашу мэня прастить, доктор! – провозгласил он. – Пазвольтэ преэдставиться: князь Багратион Вачнадзе! Имэю чэсть!

Князь протянул руку, доктор пожал ее, чувствуя силу мышц и здоровую твердость кожи. Чечотт предложил сесть и спросил, чем может быть полезен.

– Можэтэ, дарагой мой, можэтэ! Друга хачу увидэть!

– Ваш друг находится в нашей больнице на излечении?

– Да, доктор, такое нэсчастье!

– Посещения больных разрешаются в приемные дни и часы...

– Доктор! Дарагой! – вскричал князь. – Не видэл друга два года! Скучаю ужасно! Фрукты привез ему свежие! С самого юга Аф... С юга фрукты! Для здоровья!

Действительно, князь держал большую корзинку, защищенную от холода рогожей. Запах от нее шел незнакомый, но волнующе ароматный. Чечотт подумал, что общение с такими людьми, пышущими здоровьем и оптимизмом, будет полезно не только для одного больного, но, пожалуй, для всей палаты. Оздоровительный эффект ничуть не хуже, чем от проветривания. Пожалуй, можно сделать исключение. Да и фрукты свежие...

Открыв книгу регистрации, он спросил фамилию друга.

– Фамилия у него простая – Апс. Даже клички не нужно, да? Ха! Зовут Николай... Иванович... – добавил князь.

Проверить записи было не нужно. Чечотт прекрасно знал пациента. Закрыв книгу, он заявил, что посещения этого больного категорически запрещены. Князь искренно удивился.

– Запрэщэны? Пачэму? Он что, в тюрмэ, что нельзя видеть?

– Господин Апс находится в отделении беспокойных больных. Посещения запрещены.

– Доктор! Друг мой! Да поймите, Коля Апс мой бое...

просто мой самый дарагой друг! Мне ради него ничэго не жаль! Что я могу сдэлать для вас?!

Чечотт встал, показывая, что разговор окончен, и попрoсил покинуть его кабинет. Решение неизменно и обсуждению не подлежит. Эмоциональный гoсть еще пытался уговаривать, суля безумные блага, чуть не алмазы с бриллиантами, как это водится у грузинских князей, но доктор был непреклонен. И жаловаться на него бесполезно. Как лечить больного и что будет полезно для выздоровления, он знает лучше. И князь сдался. Он просил хотя бы передать другу корзину фруктов и горячий привет. Это доктор обещал исполнить непременно.

С утра пораньше пристав Давыдов поставил весь участок на уши. Собрав в кабинете весь наличный штат чиновников, то есть трех человек, он сообщил им приятную новость: у них есть два дня, чтобы найти убийцу Комара и Рябчика, после чего он за себя не ручается. Если подчиненные ударят его лицом в грязь, фигурально выражаясь, он устроит им такую жизнь, что они забудут про все радости жизни: поборы, подарочки и обеденный чай. И это он обещает не как полицейский, гори она огнем, эта полиция, а как офицер пехотного полка, не забывший, что такое муштра и строевой шаг. Строем будут ходить, в сапогах и пуговицах, вычищенных до блеска. Чиновники расходились, оглушенные свалившимся на их головы несчастьем, а бедный Василий Автономович Макаров так и вовсе пустил слезу, оплакивая конец спокойной жизни.

На этом пристав не угомонился. Собрав всех городских, которым не повезло вчера стоять поблизости от места преступления, он строго спросил, о чем таком они умолчали, что теперь их будет пытаться сыскная полиция. Городовые переглядывались, решив по-своему, что у начальника дурное настроение, так лучше помалкивать. Ванзаров застал их неплохо подготовленными, то есть готовыми молчать на смерть о чем угодно. Пристав казался взволнованным и на-

тужно официальным.

Ванзаров улыбнулся, как умел – открыто и смешно, так что усы разлетелись крыльями.

– Благодарю, господин ротмистр, что взяли вчерашние дела на себя, – сказал он, протягивая руку, которую пристав машинально пожал. – У нас хватает всякой мелочной беготни.

Улыбка подействовала. Пристав размяк и пробурчал, что это его обязанность, не за что благодарить, и вообще городовые собраны, ожидают дальнейших указаний.

– Я хочу, чтобы между нами не осталось разногласий, – сказал Ванзаров. – Дело ведете вы и только вы. Моя роль в этом расследовании, если хотите, частная. Относитесь к этому как к любопытству чиновника, случайно оказавшегося в ненужном месте в неправильное время. Обещаю, всем, чем я смогу помочь вам, непременно помогу. Но городовым легче будет вспоминать в моем присутствии. Прошу понять меня правильно.

Пристав понял правильно. Кивнув Ванзарову и погрозив подчиненным, он скрылся. Городовые же были немедленно собраны около карты участка, украшавшей серые стены приемного отделения. Место преступления Ванзаров обозначил карандашом еле заметной точкой.

– Прошу показать посты каждого из вас, – обратился он к городовым. – Монин, начнем с вас. Вы обнаружили тело, откуда шли?

Тяжко вздохнув, городской ткнул в начало проулка. Место было отмечено карандашом.

Городовой Ермолаев услышал двойной свисток, призывавший к немедленному сбору, находясь в двух кварталах. Он указал на угол 3-го Таракановского моста и Дровяной улицы.

Младший городской Пронин стоял на Обводном канале, откуда и прибежал.

А младший городской Иванов указал на пересечение Приютинской улицы с Ново-Петергофским проспектом. Он тоже прибыл на место преступления по тревожному сигналу. Получалось, что сугроб в начале проулка, в котором было обнаружено два тела, оказался со всех сторон окружен постами. Чем были заняты городские на самом деле на дежурстве, можно только догадываться. Но все же на помощь товарищу прибыли как положено. Значит, находились на улице, а не грелись чаем у знакомых дворников. Что можно считать удачей.

– Монин, в котором часу до обнаружения тела проходил по переулку?

– Как положено, вашбродь, примерно за час, – ответил городской, стараясь не смотреть на чиновника сыска. Вызывал он в мужике непонятную робость.

– Как положено, это всем известно. А на самом деле?

Показалось Монину, что два сверла так и лезут ему в голову.

– Может, чуток более, – сознался городской, чтобы прекратить это мучение.

– Это другое дело, – согласился Ванзаров, будто нарушение правил постовой службы его беспокоило мало. – Теперь постарайтесь вспомнить главное: кого встретил по дороге?

Вопрос был столь странным, что городской не понял, что от него хотят. Пришлось повторить. Ванзаров хотел знать, какие прохожие попались ему, пока он шел к переулку. Монин задумался.

Городской замечает только то, что нарушает привычную, годами не меняющуюся картинку. На дежурстве он находился по двенадцать часов в сутки, зимой и летом, исходя вдоль и поперек территорию, относящуюся к его посту. Он знает каждого дворника, каждую лавку, каждый дом. Прохожие мелькают перед городским, как воздух. Он еще различает офицеров, которым обязан отдавать честь, а прочие гражданские, если не бегут с ножом или топором, сливаются в общую массу. Монин честно признался, что не заметил никого.

С тем же вопросом Ванзаров обратился к другим городским. Ермолаев, Пронин и Иванов признались, что бежали и не запомнили, кто там проходил мимо. А уж на другой стороне улиц и подавно.

– Там был прохожий в старинной шляпе, треугольной. Он вам, Пронин, должен был попасться на глаза. Вспомните...

Городской честно поднатужился, но из этого ничего не вышло. Не было никакой старинной шляпы. И чего господин

сыщик зря придумывает и проверяет для чего-то?

– А в черной плащ-накидке прохожий попался?

Никто не видел. Только Иванову вроде бы показалось, что он заметил краем глаза нечто похожее, но утверждать наверняка не решился. Темно было, спешил, может, показалось. Или вовсе тень мелькнула.

Больше вопросов к постовым не имелось.

Ванзаров постучался к приставу и немного помедлил, чтобы тот успел запрыгнуть за стол. Тонкая щель незаметно виднелась в створках двери, пока шел допрос городских. Пристав ответил: «Прошу вас, заходите», чем окончательно выдал себя.

Кабинет его не отличался от кабинетов всех сорока двух приставов столицы. Те же обязательные портреты императорской четы, градоначальника, министра внутренних дел. Вертикаль власти во всей своей парадной красе неумолимой тяжестью навалилась на пристава, не понимая, что на самом деле это она балансирует на его плечах. Стоит этим плечам ослабнуть, как вертикаль повалится в одну секунду, поймать не успеешь. Колосс империи, огромный и массивный, если присмотреться, стоял на скромных и незаметных человечках в темно-зеленых мундирах, полицейских приставах, и черных кафтанах городских, которые держали в узде свои территории. При этом жалованье они получали скромное, служба без выходных и перспектив роста, поборы с лавочников и купцов были нормой. Полиция должна была стягивать об-

ручем студенистую массу Российского государства. Если надорвать эти обручи, не останется ничего.

Ванзаров отогнал невесть откуда взявшееся видение. Даром пророчества он не обладал и обладать не желал: чиновнику сыска это ни к чему. Наверное, все-таки красная луна мутит, что бы там астрономы ни говорили.

– Узнали, что хотели? – спросил пристав, выходя из-за стола и предлагая Ванзарову устроиться за ним вместо него. Папку, что неудачно попала на пути его бегства, он поднял непринужденно, как офицер, бережно следящий за порядком.

– О каждом человеке можно узнать многое, не спрашивая ни о чем, – ответил Ванзаров. – Явное расскажет о скрытом.

– Как же это? Научите премудрости, если не жалко... – сказал пристав, садясь напротив гостя и не зная, куда деть руки.

– Нужно овладеть несколькими несложными приемами.

– Опишите самый простой...

Времени терять не хотелось, но в глазах пристава мелькнул живой интерес. Нельзя затоптать огонек разума, когда он случайно вспыхивает в полиции.

– Это система практических наблюдений, которую я называю... – Ванзаров запнулся и поправился из скромности, – принято называть психологией.

Такой зверь в прицел бывшему артиллеристу никогда не попадался. Он попросил рассказать подробней. Отказать в

просьбе было совершенно невозможно.

– Человек живет в мире поступков, – сказал Ванзаров. – Самые главные поступки оставляют следы в его жизни, которые он часто не замечает. Эти следы почти всегда при нем, на виду в бытовых мелочах. Если внимательно наблюдать и замечать эти следы, легко сделать выводы, которые раскроют его характер, то есть индивидуальность. Но этого недостаточно. Причина любых совершаемых поступков всегда находится в рамках логики, причем достаточно простой. То есть все мы живем и действуем по единым законам, хотим мы этого или не хотим.

– Это законы из Уложения о наказаниях? – спросил пристав.

– В каком-то смысле... – ответил Ванзаров не сразу. – Главные причины куда проще. Это страх, жадность и зависть. Они составляют единую логику поступков каждого члена человеческого общества.

– Печально слышать... Нас учили высоким идеалам, этике, морали там всякой... Честь, в конце концов...

– Мораль – дело разума. Поэтому о ней так часто забывают. На самом деле человеком управляют совсем другие мотивы. Осознанно или неосознанно...

– Допустим, вы правы... – сказал пристав, пытаясь найти какие-то аргументы против столь примитивной правды. – И как это позволяет вам добиваться успехов в сыске?

– Чтобы узнать нечто скрытое, скажем, найти убийцу, –

надо найти точку пересечения общих законов логики и конкретного человеческого характера. Для чего и нужна моя... то есть вообще психологика.

– Так просто? – Давыдов просто не мог в это поверить.

– Просто. Но простота требует опыта. У меня это заняло около восьми лет службы в полиции.

– Не сочтите за труд показать пример...

Увлечшись, Ванзаров допустил оплошность: конечно, пристав захочет убедиться, как это работает.

– Нужен подозреваемый и его дело... – попробовал отговориться он.

Такого под рукой не имелось. И тут пристав озарила блестящая идея.

– А давайте на мне! – радостно предложил он.

– Не стоит, Викентий Александрович, это ни к чему.

– Прошу вас! Так интересно. Ну, хоть маленький пример...

Еще можно было остановиться. Но Ванзаров останавливаться не умел.

– Скажем, про вас я узнал... – быстро осмотревшись, сказал он, – что вы пехотный офицер, вынуждены были уйти из строевой службы по любовному скандалу с поручиком, жена вас бросила, детей нет, служба в полиции опротивела... присматриваете дачу для тихой пенсии, до которой считаете дни и месяцы...

Давыдов понял, что над ним откровенно посмеялись. И

поделом, не надо было лезть к господину из сыска с любопытством. Вот и получил по усам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.